

ПРОВОДНИК

РОМАН КУРТ

Роман Курт
Проводник

«Автор»

2026

Курт Р.

Проводник / Р. Курт — «Автор», 2026

Игорь Пиров, таксист из московского района Люблино, не помнит своего прошлого. Всё меняется, когда к нему в машину садится Альма — пришелица из древней расы Эйло'Ра. Она раскрывает: он Проводник, способный управлять реальностью, и лишь ему под силу спасти Землю от солнечной вспышки. Игорь отказывается, и тогда на него выходит Кромт, лидер враждебной расы Аш-Кара, предлагая сделку: откажись — и твои близкие в безопасности. Вскоре выясняется, что память Игоря стёрли в детстве в ходе жестоких экспериментов. Когда угроза нависает над любимой медсестрой Марьяной и лучшим другом Артемием, а один из них погибает, в Игоре пробуждается сила, способная как спасти мир, так и уничтожить его. Научно-фантастический роман о выборе, памяти и цене героизма. Первая книга трилогии.

© Курт Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Проводник

Глава

Введение

Пространство над планетой задрожало.

Это не было похоже на взрыв или вспышку — скорее на едва заметное колебание, словно кто-то бросил камень в неподвижную гладь пруда, только прудом была сама ткань реальности. Звёзды, до того сиявшие ровным, холодным светом, на мгновение смазались, растеклись по чернильному фону, а затем вернулись на свои места, будто ничего и не случилось. Если бы в этот миг кто-то из астрономов смотрел в телескоп именно на этот участок неба, он бы заметил аномалию — кратчайшую, почти неуловимую флуктуацию, которую списали бы на помехи в аппаратуре. Но никто не смотрел. Никто не заметил.

«Лазурит» вышел из складки.

Корабль Эйло'Ра не был построен — он был выращен. Не из металла, не из композитов, не из каких-либо материалов, известных человеческой науке. Он рос, как растёт кристалл в глубине пещеры: слой за слоем, тысячелетиями, подчиняясь не физическим законам, а направляющей воле Плетения. Его корпус напоминал готический собор, застывший в вечности, — острые шпили, ажурные арки, витражи, сквозь которые просачивался не солнечный свет, а сияние далёких звёзд. Но при этом он был живым. Дышал. Пульсировал в такт ритмам, которые невозможно было услышать, но можно было почувствовать.

Сейчас он висел над северным полушарием Земли, невидимый для радаров, для спутников, для любых приборов, созданных человеческой цивилизацией. Его истинная форма была скрыта за многослойной завесой Плетения, искажавшей не только свет, но и само пространство-время. Ни один сигнал не мог пробиться сквозь этот кокон. Ни один взгляд не мог его обнаружить. Для внешнего мира «Лазурит» просто не существовал.

Внутри корабля не было стен в привычном понимании. Пространство здесь подчинялось мысли — не всегда сознательной, иногда интуитивной, глубинной. Оно перетекало из зала в коридор, из коридора в бездну, повинаясь не архитектурным планам, а текучему сознанию обитателей. Пол под ногами был абсолютно прозрачным, и сквозь него открывался вид на Землю — голубую, в белёсых разводах облаков, медленно вращающуюся в бархатной черноте. Планета казалась незащищённой, висящей в пустоте, словно забытый кем-то рождественский шар.

Принцесса Альма стояла у самого края прозрачного пола и смотрела вниз. Она не шевелилась уже несколько часов, погружённая в свои мысли — или в то, что у Эйло'Ра заменяло мысли. В человеческом облике она походила на девушку лет двадцати, с неестественно правильными, почти математически выверенными чертами лица, которые казались бы искусственными, если бы не печальная мягкость в уголках губ. Её пепельные волосы не шевелились, хотя по залу то и дело пробегали лёгкие сквозняки. Но периодически по её коже пробегала рябь — словно цифровая помеха, выдававшая истинную природу. Она не была человеком. Она была энергией, заключённой в биомеханическую оболочку. Оживший витраж. Существо, которое видело рождение и смерть галактик, а теперь стояло и смотрело на один-единственный мир, затерянный среди миллиардов.

— Ты опять не спала.

Голос прозвучал не в ушах, а прямо внутри сознания Альмы — мыслеобраз, переданный через Плетение. Она узнала его мгновенно, как узнают голос отца даже в шумной толпе. Отец. Верховный Хранитель. Она не обернулась.

Хранитель приблизился и замер рядом, на расстоянии вытянутой руки. Его оболочка была старше, массивнее, сотканной из глубокого сапфирового света, пронизанного серебряными прожилками, словно древний мрамор. Когда-то этот свет внушал Альме покой и чувство защищённости. Теперь — только холод и смутную тревогу. Что-то изменилось за последние столетия. Или, может быть, изменилась она сама.

— Я видела это снова, — произнесла она вслух. Человеческая речь всё ещё давалась ей с трудом — слишком медленная, слишком несовершенная для существа, привыкшего обмениваться мыслеобразами за доли мгновения. Но сейчас ей хотелось говорить именно так. Медленно. Весомо. Чтобы каждое слово падало, как камень в воду. — Третье видение за цикл. Солнце выбрасывает протуберанец. Не обычный — колоссальный, чудовищный, словно сама звезда взбесилась. Он достигает планеты через тридцать четыре часа. Атмосфера вспыхивает, как сухой трут. Океаны выкипают за минуты, обнажая безжизненное дно. Я чувствовала их страх, отец. Восемь миллиардов голосов. Восемь миллиардов индивидуальных сознаний, каждое из которых до последней секунды надеялось на чудо. Они кричали. И никто их не услышал.

Она замолчала, и тишина в зале стала почти осязаемой. Где-то в глубине корабля беззвучно пульсировала сердцевина — источник Плетения, невообразимо сложная структура, сплетённая из квантовых струн, позволявшая манипулировать реальностью. Для Эйло'Ра она была так же естественна, как дыхание для человека. Для людей же... для людей она была смертельным ядом.

— Это один из вероятностных коридоров, — отозвался Хранитель. Его мыслеобраз был ровным, но Альма, зная отца тысячами, уловила в нём тень напряжения. — Не приговор. Ты знаешь правила Плетения. Будущее не зафиксировано. Оно текуче, как сама реальность. Можно изменить события. Можно выбрать другой путь.

— Вероятность — девяносто семь процентов. Я проверяла трижды. Три независимых расчёта. Ошибка исключена.

Хранитель не ответил. Альма перевела взгляд на планету, плывущую под ногами. Облака медленно ползли над Сибирью, над Уралом, над бескрайними российскими просторами. Где-то там, внизу, люди занимались своими делами: любили, ссорились, рожали детей, строили планы на будущее, не подозревая, что никакого будущего у них может не быть.

— Мы можем погасить вспышку, — произнесла она, не оборачиваясь. — Технически это несложно. Плетение позволяет перераспределить энергию звезды, отвести протуберанец в сторону. Можем эвакуировать часть населения — процентов десять-пятнадцать, не больше. Можем предложить ассимиляцию в Хор — но это, по сути, та же смерть, только растянутая во времени. Но...

— Но они не готовы.

— Они никогда не будут готовы! — Альма резко повернулась к отцу, и её оболочка на миг утратила стабильность, пойдя золотистыми волнами. — Ты знаешь, что произошло с последней контактной группой. Трое добровольцев. Трое лучших умов человечества — физик, нейробиолог, лингвист. Мы показали им лишь основы Плетения, лишь малую толику того, что доступно нам. Один ослеп — физически, полностью, — но взамен начал видеть прошлое. Он видит все смерти своих предков, всех до единого, вплоть до первобытных охотников, раздавленных мамонтами. Он не может остановить этот поток. Он сходит с ума от боли. Второй ушёл в Хор и не вернулся — его личность просто растворилась, отец. Растворилась, как капля чернил в океане. Мы даже не можем восстановить его индивидуальность. Третья... — она запнулась. — Третья сидит в изоляторе и уже четвёртый месяц рисует уравнения, от которых у наших математиков перегрузка ядра. Она гениальна — её расчёты опережают нашу науку на тысячи лет. Но её рассудок разрушен. Она не узнаёт себя в зеркале. Она не помнит своего имени.

— Мы предупреждали их правительства о рисках, — тихо сказал Хранитель. — Мы объяснили, что контакт с Плетением без подготовки смертелен для человеческой психики. Они согласились на условия.

— Предупреждали, — горько усмехнулась Альма. — А они увидели в этом оружие. Их военные уже год ведут тайные переговоры с Аш-Кара. Ты знаешь об этом? Они готовы продать собственную планету за обещание силы.

При упоминании Аш-Кара по оболочке Хранителя прошла тёмная волна — быстрая, почти незаметная, но Альма уловила её. Она отметила этот момент где-то в глубине сознания: отец реагирует на это имя иначе, чем на любое другое. В его реакции был не просто гнев или страх. Было что-то глубже. Вина? Стыд? Она отложила эту мысль на потом.

— Я искала решение, — сказала она, вытягивая руку. Пространство перед ней пошло рябью, и из пустоты сооткался сгусток золотистого света, который быстро развернулся в сложную голографическую карту звёздного сектора. — Перебрала четырнадцать тысяч зарегистрированных цивилизаций, существующих ныне и существовавших в прошлом. Искала биологические виды с естественной нейростойчивостью к Плетению — такой, чтобы их разум мог служить буфером без разрушения. Таких нет, отец. Ни одного. Все известные формы жизни, включая нас, либо невосприимчивы к Плетению вовсе, либо разрушаются при контакте. Третьего не дано.

— И?

— И я расширила поиск на генетические аномалии внутри самой человеческой популяции. — Карта сменилась изображением двойной спирали ДНК, которая начала вращаться, подсвечивая отдельные участки. — Мутация GRF-7Q. Чрезвычайно редкая — встречается у одного на двести миллионов. Носитель полностью невосприимчив к ментальной перегрузке. Его мозг способен обрабатывать Плетение так же естественно, как наш — как человеческий мозг обрабатывает зрительные образы. Он может служить буфером, переводчиком между Плетением и человеческим разумом, не разрушаясь при этом.

— Теоретически, — уточнил Хранитель, но в его голосе уже слышалась осторожная надежда.

— Практически. Я нашла одного. Живого. Здесь, на Земле.

Голограмма свернулась, и перед ними возникло изображение человека. Мужчина, около тридцати пяти лет. Смуглое, обветренное лицо с трёхдневной щетиной, делавшей его старше. Уставшие глаза, в которых читалась не злоба и не печаль, а какая-то глубокая, всеобъемлющая пустота. Одет в дешёвую тёмную куртку, явно купленную на рынке. Сидит за рулём старого автомобиля — марка неразличима, видно только потёртый руль да сломанный подлокотник. За окном машины — бесконечная московская пробка. Он смотрит в неё, но взгляд его направлен куда-то дальше, сквозь машины, сквозь дома, сквозь саму реальность.

— Игорь Пиров, — произнесла Альма, и в её голосе прорезалась странная, незнакомая ей самой интонация — не то сочувствие, не то затаённая надежда. — Тридцать пять лет. Бывший военный. С 2005 по 2007 год числился пропавшим без вести в Чечне. Затем — амнезия, полная потеря памяти, реабилитационный центр, гражданская жизнь. Последние десять лет работает таксистом. Живёт в районе Люблино, Москва, в съёмной однокомнатной квартире. Друзей нет. Связей нет. Прошлого нет. Он даже не помнит, что с ним делали в детстве.

— Пустой, — констатировал Хранитель. В его голосе не было осуждения — только печальная констатация факта.

— Именно. — Альма приблизила изображение, словно пытаясь разглядеть в лице этого уставшего человека нечто, скрытое от обычного взгляда. — Он понятия не имеет, кто он такой. Понятия не имеет, что его геном — ключ к спасению целого вида. Что от его решения — согласиться или отказаться — зависит судьба восьми миллиардов разумных существ. Девяно-

сто семь процентов, отец. Через три года эта планета умрёт, а он будет сидеть в пробке, слушать радио и думать о том, успеет ли он оплатить кредит за машину. Если мы не...

Она замолчала на полуслове.

Изображение Игоря дрогнуло. По голограмме пробежали помехи — не те, что бывают при сбое техники, а какие-то иные, глубинные. А затем картинка развернулась, словно кто-то повернул камеру, и Альма увидела то, чего не должно было быть в этом файле. Видение, пробившееся сквозь Плетение, как острый луч света пробивается сквозь туман. Другой Игорь. Не тот, что сидит в машине, глядя в пробку. Этот Игорь смотрел прямо на неё. Прямо сквозь время и пространство, сквозь слои реальности, сквозь саму ткань Плетения. Его глаза, только что пустые и отстранённые, вдруг наполнились осмысленностью. И в них было понимание — глубокое, почти пугающее.

— Ты тоже слышишь их? — спросил он. Голос прозвучал не в ушах, а прямо в сознании Альмы — точно так же, как голос Хранителя, как голоса Эйло'Ра. Но этот голос был человеческим. Тёплым. Живым.

Альма отшатнулась. Видение исчезло так же внезапно, как появилось. Она стояла, прижав руку к груди — жест, совершенно не свойственный её расе, — и чувствовала, как внутри что-то дрожит.

— Что? — Хранитель шагнул к ней. Его оболочка вспыхнула тревожным синим. — Что ты увидела?

— Он... — Альма сглотнула. Впервые за тысячи лет существования она не могла подобрать слов. — Он увидел меня. В ответ. Отец, Плетение не даёт обратной связи. Мы транслируем, но не принимаем отклик от разумов низшего порядка. Это невозможно. Невозможно, если только он не...

— Проводник, — закончил Хранитель. Его голос в сознании Альмы прозвучал глухо, почти испуганно — эмоция, которую она не слышала от отца никогда. — Не просто носитель мутации. Не просто устойчивый к Плетению. Полный Проводник. Первый за четыре миллиона лет.

Где-то глубоко в недрах «Лазурита» что-то изменилось. Пространство корабля, всегда послушное воле Эйло'Ра, на мгновение пошло трещинами — тонкими, как паутина, — и Альма поняла: это не её эмоции. Это эмоции отца, прорвавшиеся сквозь его контроль. Верховный Хранитель, древнейший из Эйло'Ра, существо, видевшее рождение Вселенной, сейчас испытывал не просто удивление. Он боялся.

— Ты знаешь о нём, — прошептала Альма. — Ты знал с самого начала. Знал — и молчал.

Хранитель не ответил. Его молчание было красноречивее любого признания.

Альма снова перевела взгляд на голограмму. Игорь Пиров всё так же сидел в своей машине. Обычный человек. Тысячи таких в этом городе, в этой стране, на этой планете. Но теперь она видела то, чего не замечала раньше. Вокруг него, едва различимая, пульсировала аура — слабая, почти призрачная золотая нить, уходящая в само Плетение реальности, связывающая его с чем-то гораздо большим, чем он сам.

— Я спущусь к нему, — сказала она.

— Альма, ты не понимаешь...

— Нет, отец. — Она повернулась, и её оболочка вспыхнула алым — цветом решимости, смешанной с гневом. — Это ты не понимаешь. Ты что-то скрываешь. От меня. От Хора. Ты знал о мутации GRF-7Q. Знал о проекте «Нейрон» — о том, как люди пытались создать Проводника почти сорок лет назад. Знал о детях, которые умирали в лабораториях. И ты молчал. Ты защищал не равновесие — ты защищал свою тайну.

— Я защищал равновесие, — повторил Хранитель, но его голос звучал уже не так уверенно.

— Какое равновесие?! — аура вокруг Альмы вспыхнула с новой силой, и по залу пробежала волна жара. — Через три года здесь будет пепел. Аш-Кара уже здесь — они плетут свои сети, они охотятся, отец. Они ведут переговоры с правительствами, они обещают им власть над Плетением, и те, глупцы, верят. А человек, который способен всё изменить, единственный, кто может стать мостом между нами и людьми, — он сидит в пробке и слушает радио! Потому что мы, великие и мудрые Эйло'Ра, боимся нарушить какой-то дурацкий протокол!

Она шагнула к самому краю прозрачного пола. Земля внизу была безмятежна — облака всё так же плыли над Сибирью, над Москвой, над Люблино. Где-то там, в этом гигантском муравейнике, ничего не подозревающий Игорь Пиров включил поворотник и свернул во двор. Он не знал, что его жизнь вот-вот изменится навсегда. Что на него возложена миссия, которая не снилась ни одному человеку. Что он — ключ. Мост. Проводник.

— Ты не остановишь меня, — тихо сказала Альма.

Она подняла руку. Пространство перед ней послушно раскрылось, и прямо в центре зала возник туннель — идеально ровный, сотканный из чистого золотого света. Складка, соединяющая орбиту с поверхностью. Прыжок через сотни километров за одно мгновение.

— Я и не собираюсь, — ответил Хранитель.

В его голосе прозвучало что-то, чего Альма не слышала раньше. Тоска? Обречённость? Или, может быть, гордость за дочь, которая оказалась смелее его?

— Но знай, — продолжил он, и его мыслеобраз стал тяжёлым, как камень, — когда Проводник пробудится окончательно, пути назад не будет. Ни для него. Ни для тебя. Ты готова к тому, что он увидит в тебе? К тому, что ты увидишь в себе, когда помотришь на себя его глазами?

Альма замерла на пороге складки.

Перед её внутренним взором снова встало видение: лицо Игоря. Его голос, пробившийся сквозь время и пространство. «Ты тоже слышишь их?» Что он имел в виду? Какие голоса? Почему его взгляд был таким... спокойным? Не испуганным, не удивлённым — понимающим. Как будто он ждал её всю жизнь. Как будто знал, что она придёт.

— Я готова, — сказала она.

И солгала. Но это была ложь, без которой невозможно сделать шаг в неизвестность.

Она вошла в свет. Туннель схлопнулся за её спиной с тихим, почти музыкальным звоном, и в зале снова воцарилась тишина.

Верховный Хранитель остался один. Он стоял над планетой — древний, как само мироздание, расколотый надвое в незапамятные времена, связанный страшной тайной, которую он не мог доверить даже собственной дочери. Он знал: когда Альма узнает правду — всю правду, без умалчиваний, — всё изменится. И, возможно, она никогда его не простит.

Но ещё больше он боялся другого.

Что Игорь Пиров — не просто Проводник. Что он — зеркало, в котором отразится всё, что Эйло'Ра пытались забыть. И что это отражение окажется слишком страшным, чтобы в него смотреть.

Глава 1. Пустой

20.10.2017

Октябрь в Люблино пах бензином, мокрым асфальтом и чьей-то подгоревшей яичницей. Этот запах пробивался даже сквозь закрытые окна — настырный, густой, какой-то коммунальный. Игорь Пиров не любил этот запах, но привык к нему. Как привыкают к шраму на колене — помнишь, откуда взялся, но уже не замечаешь.

Он сидел в своём стареньком «Солярисе» с оторванным подлокотником и смотрел на светофор. Светофор смотрел в ответ красным, равнодушным глазом. Они играли в эту игру

каждое утро — кто кого перетерпит. Пока что счёт был ничейным. Игорю иногда казалось, что светофор — это такое особенное московское божество, мелкий дух пробок и опозданий, который питается человеческим раздражением. Он даже имя ему придумал — Красноглаз. Глупость, конечно. Но когда сидишь в машине по десять часов в день, поневоле начинаешь населять мир духами.

В салоне пахло освежителем «Ёлочка» — дешёвым, химическим, с запахом, который въелся в обшивку ещё при прошлом владельце. Игорь иногда думал, что, если когда-нибудь продаст эту машину, новый хозяин всё равно будет чувствовать эту «Ёлочку». Она стала частью автомобиля, как пятая дверь или третья педаль. Картонная ёлочка болталась на зеркале заднего вида, выцветшая до бледно-зелёного, почти белого цвета. Он не помнил, когда в последний раз её менял. Да и зачем? Запах уже не зависел от картонки. Он был везде — в сиденьях, в ковриках, в его собственной одежде.

По радио, диктор бодро рассказывал о грядущем похолодании. «Столбик термометра опустится до плюс семи, возможны заморозки на почве», — вещал он таким тоном, будто сообщал результаты лотереи. Игорь представил себе этого диктора — наверняка сидит в тёплой студии, в рубашке с коротким рукавом, пьёт кофе из картонного стаканчика. И вещает про заморозки. А ты тут сиди, мёрзни.

Он не слушал. Он смотрел на лобовое стекло, на капли дождя, которые собирались в дорожки и ползли вниз, сливаясь друг с другом, как живые.

Пробка не двигалась уже семь минут. Игорь проверил время на телефоне — 8:47. Час пик. Москва просыпалась и выползала на дороги. Тысячи машин. Тысячи людей. И каждый думает, что его дела — самые важные.

— Давай, родимая, — пробормотал он, постучав пальцами по рулю. — Зелёный — это когда едут. Это такой цвет. Между жёлтым и... ну, ты знаешь.

Светофор не реагировал. Сзади кто-то посигналил — длинно, истерично, будто от этого что-то могло измениться. Игорь взглянул в зеркало заднего вида. Там, в отражении, маячил чёрный джип с тонированными стёклами. Машина была огромной, как катафалк, и такой же мрачной. На капоте блестели капли дождя. Из-за руля выглядывал мужчина в дорогом костюме — даже через два стекла было видно, как он бесится. Лицо красное, рот открыт в беззвучном крике. Наверное, орёт в телефон или просто так, в пустоту. Игорь видел таких людей каждый день. Они всегда спешили. Всегда злились. И никогда не понимали, что от их злости пробка не рассосётся.

— Ну-ну, — усмехнулся Игорь. — Попробуй взлететь.

Он не торопился. За десять лет в такси он научился главному: пробка — это не проблема. Это состояние. Как погода. Как настроение. Можно нервничать, дёргаться, трогать нервы — а можно просто ждать. Игорь предпочитал второе. Нервы ему ещё пригодятся. Для чего — он не знал, но интуиция подсказывала: пригодятся.

Он посмотрел на свои руки, лежащие на руле. Руки таксиста. Пальцы с въевшейся грязью под ногтями, которую не отмыть никаким мылом. На тыльной стороне ладони — тонкий белый шрам, происхождение которого он не помнил. Таких шрамов у него было много. Они покрывали его тело, как карта неведомой страны — вот здесь, на предплечье, круглый ожог; здесь, на боку, длинная полоса от ножа; здесь, на голени, след от пули. Он смотрел на них иногда по вечерам, перед сном, и пытался вспомнить. Не получалось.

Наконец светофор моргнул, переключился на зелёный. «Солярис» нехотя покатился вперёд, переваливаясь через ямы, как старый корабль через волны. Подвеска скрипнула — жалобно, протяжно. Надо бы заехать к Артемию, пусть посмотрит. Игорь вывернул руль, объехал припаркованную у тротуара «Газель», из которой выгружали коробки. Грузчики — двое крепких парней в серых футболках, несмотря на холод, — таскали коробки с какими-то овощами. Судя по запаху, лук. Острый, щиплющий нос запах проник в салон, перебил даже

«Ёлочку». Игорь поморщился и нажал кнопку стеклоподъёмника. Стекло дёрнулось и замерло. Он нажал ещё раз — стекло нехотя поползло вверх.

Машина умирала. Медленно, но, верно. Как и всё в этом городе. Как и он сам.

День начинался обычно. Заказ — подача — заказ — подача. Конвейер. Бесконечная лента, которая тянется из ниоткуда в никуда.

Он любил эту работу. Нет, не так. Он прятался в ней. В её монотонности. В бесконечной смене лиц на заднем сиденье — лица мелькали и исчезали, не оставляя следа. Студенты с рюкзаками, набитыми учебниками и надеждами. Пенсионерки с клетчатыми сумками, из которых торчали стебли зелёного лука. Бизнесмены в дорогих костюмах, пахнущие одеколоном и деньгами. Пьяные парочки, которые целовались на заднем сиденье, забывая, что их видно в зеркало. Все они что-то говорили, смеялись, ругались, плакали. А он просто вёз их из точки А в точку Б. И ни одна из этих точек не была его собственной.

Это устраивало Игоря. Больше, чем устраивало. Это было единственное, что держало его на плаву. Рутинка. Повторяемость. Предсказуемость. Как сказал бы его армейский психолог (был у него такой? или не было?): «Ритуалы помогают структурировать хаос». Вот его работа и была таким ритуалом. Ежедневным. Ежечасным. Спокойным.

Иногда, впрочем, память подбрасывала фокусы.

Вот и сейчас — он ехал по Краснодонской, проезжал мимо старой девятиэтажки с граффити на торце — кто-то нарисовал огромного синего кита, — и вдруг...

Песок. Много песка. Он везде — во рту, в глазах, под ногтями. Солнце палит так, что воздух дрожит, искажая очертания предметов, превращая реальность в дрожащее марево. Он лежит на спине, смотрит в небо — неестественно синее, выцветшее. Где-то рядом кричат. Кажется, его зовут по имени. Или не его. Он не помнит. Крики разносятся эхом, отражаются от невидимых скал, искажаются до неузнаваемости. «Игорь! Игорь!» — или это ветер?

Рывок.

Игорь моргнул. Девятиэтажка осталась позади. Синий кит на стене насмешливо смотрел ему вслед своим нарисованным глазами. В салоне всё так же пахло «Ёлочкой». Радио бормотало про курс валют — доллар поднялся на две копейки, евро упал на три. Новость дня. Руки лежали на руле — спокойные, уверенные. Пальцы не дрожали. Только на лбу выступил холодный пот.

Он выдохнул. Медленно. С чувством. Как учили на курсах дыхательной гимнастики — ещё одно воспоминание, происхождение которого терялось в тумане.

Такие вспышки случались редко, но метко. Обрывки прошлого — его собственного? чужого? — всплывали без предупреждения, как утопленники. Как тела, которые вода через какое-то время возвращает на поверхность. Они были раздутыми, обезображенными, неузнаваемыми. Он никогда не мог ухватить их, рассмотреть. Только ощущение: песок, жара, крик. И ещё что-то, чему он не находил названия. Тревога? Вина? Страх? Всё сразу, смешанное в один неразборчивый комок.

Врачи говорили — посттравматическая амнезия. Психика заблокировала травмирующие воспоминания. Спасибо, очень информативно. Игорь представлял себе эту блокировку как бетонную стену замка где-то в глубине мозга. За стеной — темнота. Иногда из темноты доносились звуки. Иногда — обрывки картинок. Но ворота была заперты. А ключ — выброшен.

Он тряхнул головой, прогоняя остатки видения, и нажал «Принять» на телефоне. Новый заказ. Улица Верхние Поля, 22. Подача через семь минут.

Работа. Ритуал. Спасение.

Пассажижкой оказалась женщина лет пятидесяти с двумя клетчатыми сумками. Она стояла у подъезда, втянув голову в плечи, и вид у неё был такой, будто она собиралась штурмовать Эверест, а не съездить в Марьино. Из сумок торчали стебли укропа и горлышко бутылки подсолнечного масла — классический натюрморт московской пенсионерки. На плечах — плащ болотного цвета, застёгнутый не на те пуговицы. На голове — берет, сбившийся набок.

— В Марьино, пожалуйста, — сказала она, усаживаясь и уставляя сумки на коленях. — Батайский проезд. Вы знаете, где это?

— Найду.

Она кивнула и тут же достала телефон. Кнопочный. Старый. Такие уже не продавали в магазинах — только на барахолках или в комиссионках. Игорь видел отражение её лица в зеркале: морщины вокруг глаз, морщины вокруг губ — карта прожитых лет, испещрённая трещинками и складками, как русло пересохшей реки. Женщина набрала номер и заговорила — быстро, эмоционально, размахивая свободной рукой:

— Алло! Лен, это я. Да, еду. Нет, не с тем. С другим. Слушай, тут такое дело — зять опять напился. Вчера пришёл в одиннадцать, еле на ногах стоял. А утром — ни в одном глазу. Представляешь? Говорит, не пил. А от него ж разит за версту! И Вовка опять двойку принёс по математике. Я ему говорю: «Вовка, ты ж способный мальчик, ну что ж ты?» А он мне: «Бабушка, математика — это скучно». Скучно ему! А жить на что? На математику? Ну вот. А у соседки сверху опять потоп. Третий раз за месяц. Она там, по-моему, специально ванну переполняет. У неё, кажется, не все дома...

Игорь слушал вполуха. Голос женщины сливался с шумом дождя, с бормотанием радио, с гулом мотора. Белый шум. Успокаивающий. Он вёл машину почти на автопилоте, поглядывая то на дорогу, то на серое небо, то на прохожих, которые спешили по тротуарам, накрывшись зонтами и капюшонами.

Улицы Люблино были мокрыми и серыми. Серый асфальт, серые дома, серое небо. Даже люди казались серыми — в своих тёмных куртках, с серыми лицами, с серыми мыслями.

Дождь усилился. Дворники металась по стеклу, размазывая воду, — вжух-вжух, вжух-вжух, — как метроном, отбивающий ритм города. Мир за окном стал размытым, нечётким. Как воспоминание, которое пытаешься удержать, но оно тает, оставляя только мокрые следы.

На светофоре у метро «Братиславская» Игорь бросил взгляд в зеркало заднего вида — проверить пассажирку. Женщина всё ещё говорила по телефону. Но что-то было не так.

В зеркале, прямо за её плечом, отражалось лицо.

Мужское. Смутно знакомое. Тяжёлый взгляд. Тонкий шрам через правую бровь — белая полоска на загорелой коже. Лицо человека, который много видел и мало говорил. Военное лицо. Игорь знал такие лица. Или знал когда-то.

Он резко обернулся.

Заднее сиденье было пустым. Ну, почти — только женщина с сумками. Никакого мужчины. Никакого шрама. Только сумки, укроп, подсолнечное масло и бесконечный телефонный разговор.

— Что-то не так? — спросила пассажирка, прикрыв трубку рукой. Лицо у неё было встревоженное, даже испуганное.

— Нет, — ответил Игорь ровно. — Просто показалось. Извините.

Она посмотрела на него подозрительно — может, подумала, что таксист пьян или под наркотиками, — но ничего не сказала и вернулась к разговору.

Игорь отвернулся. Загорелся зелёный. Машина поехала дальше. Сердце колотилось где-то в горле.

Показалось. Конечно, показалось. Ты же спишь по четыре часа. Что ты хочешь? Что ты вообще хочешь от своей жизни, Пиров?

Но внутри уже поселилось знакомое холодное ощущение. Так, бывало, всегда перед тем, как случалось что-то плохое. Или что-то странное. Игорь не верил в предчувствия — он верил в интуицию, а это немного другое. Интуиция — это когда твой мозг замечает детали раньше, чем ты сам. Он анализирует, сопоставляет, делает выводы — и выдаёт результат в виде смутного ощущения тревоги.

Какие детали он заметил сейчас?

Никаких. В том-то и дело. Абсолютно никаких.

Он высадил женщину у подъезда — старой панельной пятиэтажки со скамейкой у подъезда, на которой, несмотря на дождь, сидели три старухи, — помог вытащить сумки. Укроп рассыпался по сиденью, оставив зелёные иголки на обивке. Игорь машинально смел их рукой. Женщина сунула ему сто рублей мятыми купюрами:

— Возьмите. За беспокойство.

— Не надо, я же ничего такого...

— Берите-берите. Вы бледный какой-то. Отдохните.

Игорь взял деньги. Женщина поспешила к подъезду, а он вернулся за руль. Посмотрел на мятые купюры. Сто рублей. Смешные деньги. Но почему-то именно сейчас они показались ему важными. Как будто эта женщина, сама того не зная, дала ему не чаевые, а что-то другое. Благословение, может быть. Или предупреждение.

Телефон молчал. Заказов не было. В кои-то веки — перерыв. Редкая удача. Минута тишины в бесконечном шуме города.

Игорь откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Дождь барабанил по крыше — мерно, убаюкивающе. Хороший звук. Успокаивающий. Можно было представить, что ты не в Люблино, а где-нибудь в лесу, в палатке. И рядом нет ни души. И не надо никуда ехать, никого везти, ничего решать.

Он попытался представить лес. Сосны. Запах хвои. Тишину. Но вместо сосен перед внутренним взором встала белая комната. Лампа дневного света. Человек в погонах напротив. И голос — сухой, бесцветный: «Объект демонстрирует аномальную активность. Рекомендую...»

Игорь открыл глаза. Сердце снова колотилось. Откуда это? Что за комната? Что за человек? Он не помнил. Но тело помнило. Тело реагировало раньше мозга — холодный пот, учащённый пульс, дрожь в пальцах. Так бывает, когда вспоминаешь что-то очень плохое. Что-то, что лучше не вспоминать.

— Да что ж такое, — выдохнул он и потёр лицо ладонями.

Кожа была садной. Он не брился уже три дня, и щетина колола пальцы. Надо бы побриться. Надо бы поесть. Надо бы поспать. Но всё это — потом. Сейчас — работа.

Телефон пиликнул. Новый заказ. Улица Головачёва, 14. До метро «Люблино». Игорь глянул на часы — 19:42. Вечерний час пик. Пробки, суета, мокрый асфальт.

— Ну, поехали, — сказал он вслух.

Машина тронулась. Дождь продолжал барабанил по крыше. Вжух-Вжух — дворники. Вжух-Вжух — мысли. Игорь ехал по вечерней Москве, и город казался ему огромным аквариумом, в котором люди — рыбы. Они плыли по своим делам, сталкивались, расходились, забывали друг друга через секунду после встречи. И он — такая же рыба. Только почему-то одна. Всегда одна.

На улице Головачёва его ждал парень лет двадцати пяти. Худой, в кожаной куртке поверх худи, с наушниками в ушах. Провода свисали, путались — он то и дело поправлял их, дёргая головой, как птица. Увидев машину, парень вынул один наушник и наклонился к окну:

— Такси? На Люблино?

— Садитесь.

Он плюхнулся на заднее сиденье, буркнул «До метро», и тут же уткнулся в телефон. Экран осветил его лицо снизу, делая его похожим на маску — резкие тени, провалы глаз, неестественно белые зубы. Игорь посмотрел на него в зеркало и почему-то подумал о черепе. О том, что под кожей у всех нас — череп. Белая кость... Пустые глазницы... Весёлые мысли для вечерней смены...

Типичный пассажир. Игорь таких любил — молчаливые, незаметные. Едешь себе, слушаешь радио. Никто не лезет в душу. Никто не спрашивает: «А вы женаты? А дети есть? А

почему таксистом работаете?» Люди вообще любят задавать вопросы, на которые не хотят слышать ответы.

Они проехали два квартала, когда парень вдруг вынул наушник и подал голос:

— Слышь, командир. А ты в это веришь?

— Во что «в это»? — Игорь перестроился в левый ряд, пропуская автобус.

— Ну, в инопланетян. Там по ящику передавали — учёные какие-то сигналы из космоса поймали. Говорят, типа, не одни мы во вселенной. Прикинь? Сигналы. Прямо из центра Галактики.

Парень говорил с той особенной интонацией, с какой говорят о вещах, в которые не верят, но очень хотят верить.

Игорь пожал плечами:

— Я и в пробках не один. Что с того?

Парень хмыкнул. Улыбка у него была хорошая — открытая, мальчишеская.

— Ну, пробки — это одно. А тут целая цивилизация. Прикинь, прилетят такие, зелёные человечки. С тарелками. С лазерами. Что будем делать?

— Тариф для них поднимем, — сказал Игорь. — Двойной. За вредность. И за багаж. У них, наверное, багажа много.

Парень заржал — искренне, залиvisto. Игорь усмехнулся краешком рта. Шутка была старой, но пассажиры её любили. Каждый раз, когда кто-то заводил разговор про космос, он отшучивался. Потому что всерьёз думать об этом было... некомфортно. Слишком много вопросов. Слишком много неизвестности. А с неизвестностью у Игоря были особые счёты. Он и со своей-то жизнью разобраться не мог — куда ему до инопланетян.

У метро он высадил парня. Тот сунул в карман наушники, хлопнул дверцей и скрылся в толпе — такой же, как все. Одна рыба среди миллионов. Игорь посмотрел ему вслед и вдруг поймал себя на мысли, что завидует. Завидует этой лёгкости, этой способности верить в зелёных человечков, этой дурацкой, бессмысленной радости. Когда-то и он был таким. Наверное. Этого он тоже не помнил.

Телефон снова пиликнул. И ещё раз. И ещё.

Вечер превратился в калейдоскоп: лица, адреса, светофоры, повороты. Дождь то усиливался, то стихал. По радио крутили старые песни — «Кино», «Наутилус», что-то из девяностых. Игорь работал на автомате — руки крутили руль, ноги жали педали, а мысли текли куда-то в сторону, в тёмные закоулки памяти, куда он обычно боялся заходить.

Вот он стоит в каком-то кабинете. Белые стены. Лампа дневного света — длинная, мертвенно-бледная, — жужжит раздражающе. Напротив — человек в погонах. Полковник? Генерал? Игорь не разобрал звания. Человек что-то говорит. Губы шевелятся, но слов не слышно. А потом — яркая вспышка. Боль — резкая, пронзительная, отдающаяся в каждой клетке тела. И тишина.

— Ваша остановка, — сказал женский голос.

Он вздрогнул. В зеркале заднего вида отражалась девушка — пассажирка, которую он вёз последние пятнадцать минут и о которой почти забыл. Рыжие волосы, собранные в небрежный пучок, веснушки на носу, студенческий рюкзак, с которым она возилась, пытаясь найти кошелек. Она сидела, наклонившись вперёд, и смотрела на Игоря с лёгким беспокойством.

— А? Да, конечно. Извините.

Он припарковался у тротуара. Девушка расплатилась — бумажными, — и выскочила под дождь, накрыв голову капюшоном. Тоненькая фигурка быстро растворилась в серой пелене. Игорь проводил её взглядом и вдруг понял, что не помнит, откуда её вёз. Вообще. Ни адреса, ни маршрута. Пустота. Белое пятно. Как будто кто-то взял ластик и стёр эти пятнадцать минут из его жизни.

Вот так и живём. От заказа до заказа. От пробела до пробела.

Телефон снова пиликнул. Заказ с улицы Ставропольской, 8. Подача через четыре минуты. Игорь глянул на часы — 23:10. Он работал уже почти пятнадцать часов. Спина ныла. Глаза слипались. Но останавливаться не хотелось. Дома было пусто. Дома было тихо. Дома его ждала только старая подушка и телевизор, который он не смотрел.

Последний на сегодня. А потом домой, в съёмную однушку на окраине Люблино. Холодный душ, бутерброд с колбасой, телевизор фоном. И спать. Завтра всё повторится. И послезавтра. И через год. Конвейер.

Он развернулся и поехал на Ставропольскую. Дождь снова усилился. Дворники не справлялись. «Солярис» полз сквозь водяную завесу, как сквозь чужой, враждебный мир. Игорь прищурился, вглядываясь в дорогу, и тут...

Песок. Солнце. И человек со шрамом, стоящий над ним и протягивающий руку. Лицо у него — как у того, из зеркала. Тяжёлое. Военное. Он говорит: «Вставай, Пиров. Ты ещё не закончил».

— Да хватит уже! — рявкнул Игорь в пустоту.

Эхо заметалось по салону. Он ударил ладонью по рулю — сильно, до боли. Машина вильнула. Сзади кто-то посигналил. Игорь выровнял руль и заставил себя дышать. Медленно. Спокойно.

Не думать. Не думать. Не думать.

Работа. Ритуал. Спасение.

Улица Ставропольская, 8, оказалась старым жилым домом с облезлым фасадом. Такие дома строили в шестидесятых — серые панельные коробки, в которых, казалось, даже время течёт иначе. У подъезда горел одинокий фонарь — жёлтый, мигающий, как маяк в море. В его свете дождь казался рваной занавеской, которую кто-то трепал из стороны в сторону невидимыми руками. Свет мигал с неравномерными интервалами: вспышка — пауза — вспышка — долгая пауза — вспышка. Как азбука Морзе. Как будто фонарь пытался что-то сообщить, но никто не мог его расшифровать.

Игорь остановил машину и стал ждать.

Типичная ситуация. Пассажир вызвал такси и не выходит. Просто не готов. Собирается. Докрашивает губы. Допивает чай. Живёт в другом временном измерении, где минута — это не шестьдесят секунд, а сколько захочется.

Он проверил адрес в телефоне — всё верно. Нажал кнопку «На месте». Подождал ещё минуту. Две. Три. Дождь барабанил по крыше. Дворники скрипели. Фонарь мигал.

— Ну же, — пробормотал он. — Я тут не на курорте. И не в космосе. Хотя...

Он осёкся. Откуда взялось это «в космосе»? Почему именно это слово? Он не знал. Просто вырвалось.

Наконец дверь подъезда открылась. Из темноты вышла девушка.

Игорь замер.

Она была... странная. Не то чтобы красивая — хотя красивая, конечно, даже слишком, какой-то неестественной, инопланетной красотой, — а именно странная. Пепельные волосы, бледные, почти белые, спадали на плечи ровными прядями — ни одна прядь не выбивалась, ни одна не была мокрой, хотя дождь лил как из ведра. Светлое пальто не по погоде — тонкое, явно не рассчитанное на московскую осень. И походка — плавная, текучая, будто она не шла, а перетекала из одной точки пространства в другую, как вода перетекает из чашки в чашку.

Но главное — лицо. Когда фонарь мигнул, Игорю показалось, что по её коже пробежала рябь. Как помехи на старом телевизоре. Как цифровой глюк. Как будто её внешность была не совсем настоящей — картинкой, которая на долю секунды дала сбой.

Он моргнул. Рябь исчезла.

Девушка подошла к машине, открыла заднюю дверь и села. Движения были плавными, почти замедленными. В салоне сразу стало холоднее — или это показалось? Игорь почувствовал, как по спине побежали мурашки, и одёрнул рукав.

— Добрый вечер, — сказала она.

Голос был тихим, но чётким. И каким-то... непривычным. Словно она произносила слова чуть медленнее, чем нужно, проверяя каждое на вкус, как пробуют незнакомую еду. Акцента не было. Но было что-то другое — какая-то отстранённость, будто голос доносился не изнутри машины, а откуда-то издалека.

— Здравствуйте, — кивнул Игорь, разглядывая её в зеркале. — Куда едем?

— В центр.

— В центр — это куда конкретно? Улица, дом? Центр большой.

Девушка помолчала. Потом сказала — тихо, но отчётливо:

— Туда, где нас никто не услышит.

Игорь медленно повернулся. Посмотрел на пассажирку. Теперь он видел её не в зеркале, а прямо — и от этого стало ещё более не по себе. Лицо было абсолютно симметричным — слишком симметричным, чтобы быть настоящим. Так не бывает у людей. У людей всегда одна бровь чуть выше, один глаз чуть уже, одна ноздря чуть шире. А тут — идеал. Математическая формула красоты.

— В смысле? — спросил он.

— В прямом.

Она смотрела на него. Глаза — серые, спокойные, но в глубине зрачков что-то двигалось. Буквально. Как будто там плавали светящиеся точки.

Игорь потрянул головой. Нервы. Просто нервы. Просто усталость. Просто дождь, мигающий фонарь и слишком долгая смена.

— Слушайте, я таксист, а не психолог. Если у вас проблемы, могу отвезти в отделение. Или в травмпункт. Или в психушку, в конце концов. Там хорошие врачи, я слышал.

— Вы Игорь Пиров, — перебила она.

Это не был вопрос. Это была констатация факта. Как «вода мокрая» или «небо серое».

— Допустим, — сказал он осторожно. — А вы, простите...

— Меня зовут Альма.

— Альма? — он усмехнулся, но усмешка вышла кривоватой. — Что за имя? Вы иностранка? Из Прибалтики? Из Скандинавии?

— Можно сказать и так.

— Откуда?

— Издалека. Очень издалека.

В салоне повисла пауза. Дворники скрипели по стеклу. Дождь барабанил по крыше. Фонарь за окном мигал — вспышка, пауза, вспышка. Всё было как обычно — и в то же время абсолютно неправильно. Игорь чувствовал это кожей. Чувствовал, что воздух вокруг девушки уплотнился, зарядился.

— Откуда вы меня знаете? — спросил он.

— Я вас долго искала. Очень долго. Перебрала тысячи кандидатов. Миллионы. Вы — единственный.

— Зачем?

— Вы нужны мне, Игорь. Вы нужны всем.

Она подалась вперёд. Свет от уличного фонаря упал на её лицо — и Игорь снова увидел это. Лёгкую, почти незаметную рябь. Как будто кожа на мгновение стала прозрачной и под ней проступило что-то другое. Что-то, состоящее из света и стекла. Что-то, чему не было названия в человеческом языке.

Он отшатнулся, больно ударившись локтем о подлокотник. Боль была настоящей. Это отрезвляло.

— Что вы...

— Я не причиню вам вреда, — сказала Альма. В её голосе впервые прорезалось что-то человеческое. Просьба? Мольба? Страх? — Пожалуйста. Просто выслушайте. У нас очень мало времени.

— У кого — у нас?

— У всех. — Она посмотрела вверх, сквозь крышу машины, в тёмное дождливое небо. Там, за облаками, не было звёзд. Только серый полог, подсвеченный огнями города. — Через три года ваша планета погибнет. Я знаю, как её спасти. Но мне нужен проводник. Человек, способный выдержать то, что я покажу. Вы — единственный. Один на восемь миллиардов. Один.

Игорь смотрел на неё. Мозг лихорадочно перебирал варианты. Розыгрыш. Скрытая камера. Сумасшедшая. Нет — просто сумасшедшая. Наркотики? Не похоже — зрачки в норме, речь связная. Может, ему самому пора к врачу? Может, видения из прошлого — это симптомы чего-то серьёзного? Опухоль мозга? Шизофрения? И сейчас он говорит не с девушкой, а с пустым сиденьем?

Он бросил взгляд в зеркало заднего вида. Альма всё ещё была там. И она ждала ответа. Терпеливо. Как ждут те, кто знает, что время — условность.

— Знаете, что, — сказал Игорь медленно. — У меня была тяжёлая смена. Пятнадцать часов за рулём. И я, кажется, переутомился. Давайте сделаем так: вы выходите, я делаю вид, что ничего не было, а вы идёте домой и ложитесь спать. Договорились?

— Вы не верите.

— Я не верю, ага. Очень точная формулировка. Вы прямо в яблочко попали.

— Тогда посмотрите.

Она подняла руку. И воздух в салоне... ожил.

Это было похоже на мираж в пустыне — только наоборот. Пространство между её пальцами уплотнилось, замерцало, потекло золотыми нитями. Игорь смотрел, не в силах отвести взгляд, чувствуя, как холод растекается по телу — от затылка к плечам, от плеч к кончикам пальцев. Нити сплетались в узоры, узоры складывались в образы. Он увидел Землю — голубую, с белыми разводами облаков, такую хрупкую, такую беззащитную. Увидел, как от Солнца отделяется язык пламени — чудовищный, всепоглощающий, огненная плеть, протянувшаяся сквозь пустоту. Увидел, как он летит сквозь чёрное ничто и касается атмосферы. А потом — вспышка. И тишина. И ничего.

Видение исчезло. Альма опустила руку. В салоне снова пахло «Ёлочкой». Дождь всё так же стучал по крыше. Дворники всё так же скрипели. Мир был прежним. И в то же время — абсолютно новым.

Игорь сидел неподвижно. Руки, лежавшие на руле, побелели от напряжения. Лицо в зеркале было чужим — серым, с расширенными зрачками и плотно сжатыми губами.

— Это... — голос сел. Он сглотнул и попробовал снова. Во рту было сухо, как в пустыне из видения. — Что это было?

— Правда. Один из вероятностных коридоров. То, что случится, если ничего не изменить. Если вы не поможете.

— А вы...

— Я не человек. Моя раса называется Эйло'Ра. Мы те, кого вы называете инопланетянами. Наш корабль сейчас на орбите, прямо над этим городом. Я здесь, чтобы найти вас. Я искала вас очень, очень долго.

Она говорила спокойно, но Игорь чувствовал — за этим спокойствием скрывается что-то ещё. Напряжение. Страх, даже. Она боялась? Но чего? Его? Или того, что он скажет «нет»?

— Почему я? — спросил он глухо. Слова давались с трудом, как после долгого молчания.
— Почему именно я?

— У вас редкая генетическая мутация. Одна на двести миллионов. Ваш мозг может выдержать контакт с Плетением — нашей технологией. Для остальных людей это смерть или безумие. Полное растворение личности. Вы — единственный мост. Единственная надежда.

Игорь смотрел на неё. В голове было пусто. Нет, не пусто — там был шум. Как будто сотня голосов пыталась перекрыть друг друга, и каждый твердил своё.

Это бред. Этого не может быть.

А видение? Ты же видел. Ты чувствовал этот жар. Ты почти ошутил его кожей.

Галлюцинация. Недосып. Отравление. У тебя просто едет крыша, Пиров, и всё.

А лицо в зеркале? А шрам через бровь? Ты же знаешь, что с тобой что-то не так. Всегда знал. С самого начала.

— Допустим, — сказал он вслух. Голос был чужим, сиплым. — Допустим, я вам верю. Что вы хотите?

— Поедемте со мной. Я покажу вам корабль. Покажу доказательства. А потом вы примете решение.

— Какое решение?

— Помочь или не помочь. Это ваш выбор, Игорь. Только ваш. Я не могу заставить вас. И не хочу. Никто не может.

Она смотрела на него — пристально, не мигая. И в этом взгляде было что-то, от чего у Игоря перехватило дыхание. Не влюблённость, нет. И не угроза. Скорее — отчаянная надежда. Так смотрит человек, который держится за последнюю соломинку и боится, что она сломается. Так смотрит утопающий на проплывающую мимо лодку.

Он отвёл взгляд. Посмотрел на свои руки. На руль — старый, потёртый, с трещинами на оплётке. На приборную панель — пыльную, с неработающим датчиком топлива. На сломанный подлокотник. На картонную ёлочку, которая крутилась на зеркале. На всё то, что составляло его мир. Его серый, убогий, безопасный мир.

Мир, который только что дал трещину.

— Если я соглашусь, — сказал он тихо, почти шёпотом, — что будет дальше?

— Я покажу вам то, что скрыто. То, что знают правительства, но не говорят. То, что происходит на орбите прямо сейчас, пока мы тут сидим.

— А если откажусь?

Альма помолчала. Казалось, она взвешивала слова на каких-то невидимых весах.

— Тогда я уйду. И вы забудете этот разговор. Я сотру вашу память о встрече, чтобы защитить вас. От тех, кто придёт следом. Вы продолжите жить своей жизнью. Такси, пробки, пассажиры. А через три года...

Она не закончила. Да и не нужно было. Картинка всё ещё стояла у Игоря перед глазами — язык пламени, касающийся атмосферы. Вспышка. Тишина.

— Вы можете стирать память? — спросил он, и голос предательски дрогнул.

— Я могу многое. Но предпочитаю не использовать это без необходимости. Это... болезненно.

— А вы... вы уже стирали мне память? Раньше?

Вопрос вырвался сам собой. Он не планировал его задавать. Но теперь, когда слова прозвучали, Игорь понял: это самое важное. То, что мучило его все эти годы. Дыра в прошлом. Обрывки воспоминаний. Человек со шрамом. Белая комната. Лампа дневного света.

Альма нахмурилась.

— Я видела вас впервые час назад, когда нашла ваши данные в информационных сетях. Клянусь.

— Но кто-то другой? Из ваших? Может быть... — он осёкся, боясь продолжать. Но продолжил. — Может, меня уже стирали?

Она медлила с ответом. Пауза затянулась. И эта заминка сказала Игорю больше, чем любые слова.

— Я не знаю, — произнесла она наконец. — Но, если это так, я помогу вам узнать правду. Обещаю. Даю слово.

Игорь закрыл глаза. Перед внутренним взором пронеслись образы: песок, солнце, крик. Белая комната. Человек в погонах. И новое — лицо Альмы. Её глаза. Её голос, обещающий ответы. Ответы, которые он искал всю жизнь и которых боялся больше всего на свете.

Он открыл глаза. Решение было принято ещё до того, как он его осознал. Где-то глубоко, на уровне инстинкта, на уровне той самой мутации, о которой говорила Альма.

— Хорошо, — сказал он. — Куда едем?

Альма улыбнулась. Улыбка была лёгкой, почти детской, удивительно тёплой.

— Пока никуда. Просто закройте глаза.

— Что?

— Закройте. Так будет легче. Доверьтесь мне.

Он колебался секунду. Сердце колотилось где-то в горле. Разум кричал: «Остановись! Это ловушка! Это безумие!» Но тело уже решило за него. Тело хотело правды. Тело устало от пустоты.

Он закрыл глаза.

И мир исчез.

Не было звука. Не было ощущения движения. Только на мгновение показалось, что он летит — падает — растворяется, разбирается на атомы и собирается заново. А потом под ногами возникла опора, и он открыл глаза.

Он стоял в огромном зале. Вокруг не было стен — вместо них переливалось что-то, напоминающее витражи готического собора. Стекло и свет. Цвета сменяли друг друга: сапфировый — изумрудным, изумрудный — алым, алый — золотым. Звёзды плыли вокруг, и сквозь прозрачный пол была видна Земля — голубая, в белых разводах облаков. Такая же, как в видении. И такая же беззащитная. Висящая в пустоте, как ёлочный шар на невидимой нитке.

Альма стояла рядом. Теперь она не выглядела как человек. Её тело светилось изнутри — мягким, золотистым светом. Оболочка из живого кристалла. Оживший витраж. Невероятно красиво. И абсолютно чуждо.

— Добро пожаловать на «Лазурит», Игорь Пиров, — сказала она.

Он стоял и смотрел на планету под ногами. На звёзды, которые плыли сквозь стены. На женщину-витраж, которая привела его сюда.

Игорь выдохнул — медленно, с чувством, как после долгого бега, — и сделал первый шаг по прозрачному полу. Под ногами плыли звёзды. Впереди стояла Альма. А позади осталась Москва. Люблино. «Солярис» с оторванным подлокотником. Серая, пустая, безопасная жизнь.

Он шагнул вперёд — навстречу правде. Какой бы страшной она ни была.

Глава 2. Лазурит

Везде был свет.

Он просачивался отовсюду — не яркий, не слепящий, а мягкий, как утреннее солнце, пропущенное через толщу воды. Игорь стоял на прозрачном полу и смотрел вниз, на Землю, которая медленно вращалась под его ногами. Облака плыли над страной — огромные, белые, похожие на стада каких-то небесных животных. Где-то там, под ними, осталась Москва. Люблино. Его «Солярис» с оторванным подлокотником. Картонная ёлочка на зеркале.

— Ну и духота у вас тут, — сказал он, просто чтобы что-то сказать. Чтобы услышать собственный голос и убедиться, что он ещё существует.

Альма, стоявшая рядом, моргнула. Буквально — её глаза на мгновение погасли и зажглись снова. Это было жутковато и застораживающе одновременно.

— Мы не чувствуем температуры в вашем понимании, — ответила она. — Но, если хочешь, я могу отрегулировать.

— Да нет, не надо. Это я так. Нервничаю.

— Заметно.

Она пошла вперёд, и Игорь двинулся следом. Его шаги по прозрачному полу отдавались странным, протяжным эхом. «Лазурит» был огромен. Чувствовалось, что корабль не просто большой — он безразмерный. Его внутреннее пространство существовало по каким-то иным законам, не подчиняясь скучной земной геометрии.

Зал, в котором они оказались, напоминал готический собор, только построенный не людьми и не для людей. Вместо каменных сводов над головой переливались витражи из живого света. Цвета менялись в медленном, застораживающем ритме: сапфировый сменялся изумрудным, изумрудный — алым, алый — золотым. Игорь подумал, что, если смотреть на это слишком долго, можно войти в транс. Как гипноз. Как мантра.

И везде, куда ни глянь, были звёзды. Не нарисованные — настоящие. Они проплывали сквозь стены, как рыбы в аквариуме. Нет, не как рыбы. Как планктон в океане — бесчисленные светящиеся точки, плывущие в бесконечном чёрном пространстве. Игорь протянул руку к ближайшей звезде — она прошла сквозь его ладонь, оставив ощущение лёгкого покалывания.

— Корабль построен из Плетения, — сказала Альма, не оборачиваясь. — Он не совсем материален в вашем понимании. Это, скорее, сгусток реальности, которому придали форму. Как если бы вы взяли кусок пространства-времени и свернули его в узел.

— Ага, — кивнул Игорь. — Сгусток. Ну да. Я так и подумал. Сгусток реальности. У меня в бардачке такой же лежит.

— Ты не понимаешь ни слова.

— Ни единого. Но звучит красиво. Продолжай.

Альма остановилась. Повернулась к нему. Сейчас, в истинной форме, она выглядела так, что дух захватывало. Фигура, сотканная из света и стекла, с человеческими очертаниями, но абсолютно нечеловеческой сутью. По её телу пробежали золотые нити — как нервная система, только внешняя. Как будто кто-то создал витраж, а потом вдохнул в него жизнь. Игорь смотрел на неё и чувствовал странную смесь восхищения и ужаса. Так, наверное, смотрели древние люди на молнию — понимая, что это что-то божественное, и одновременно боясь, что она ударит в них.

— Ты боишься, — констатировала она.

— Нет. Я в ужасе. Это разные вещи. Бояться — это когда собака на улице лает. Неприятно, но не смертельно. А когда ты стоишь на прозрачном полу над планетой в компании светящейся женщины, которая только-что сидела у тебя в такси и спрашивала «до центра», — это ужас. Это, как если бы твой холодильник вдруг заговорил и сказал, что он твой отец.

— Это нормально.

— Рад, что ты считаешь это нормальным. Мне от этого значительно легче. Прямо камень с души.

Она снова пошла вперёд. Игорь выдохнул и последовал за ней. Надо было отдать должное его выдержке — другой человек на его месте, возможно, уже бился бы в истерику или свернулся калачиком на этом прозрачном полу, закрыв голову руками. Но у Игоря был многолетний опыт подавления эмоций. Спасибо амнезии. Спасибо всему, что превратило его в ходячий панцирь, внутри которого что-то болело, но снаружи было не видно.

— Ты видишь дверь? — спросила Альма.

— Какую дверь? Тут вообще есть двери?

— Вон ту. — Она указала на участок стены, который ничем не отличался от остальных.
— Подойди и коснись.

Игорь подошёл. Присмотрелся. Никакой двери там не было — только переливающийся витраж, играющий оттенками синего и зелёного. Он протянул руку и приложил ладонь к поверхности. Стекло было тёплым и чуть вибрировало, как будто внутри него работал какой-то механизм.

Стена исчезла.

— Твою ж!.. — он отшатнулся, чуть не упав. Сердце ухнуло в пятки и тут же вернулось обратно, колотясь где-то в горле. — Предупредить надо!

— Я предупредила. Я сказала «дверь».

— Дверь — это такая деревянная штука с ручкой! Она открывается, а не исчезает!

— Здесь нет деревянных штук с ручками. Здесь всё — Плетение.

За «дверью» открылся коридор — длинный, изогнутый, уходящий в бесконечность. Игорь заглянул в него и почувствовал лёгкое головокружение. Коридор изгибался так, как не должен изгибаться ни один коридор в нормальном мире. Игорь отвёл взгляд. Лучше не смотреть. Меньше знаешь — крепче нервы.

По стенам пробегали волны света. Волны расходились откуда-то из глубины, медленные, завораживающие. Вжух — и стена становилась синей. Вжух — и она уже зелёная.

— Здесь всё работает через намерение, — пояснила Альма. — Корабль реагирует на твои мысли. Не на сознательные команды — их он может не понять, — а на глубинные импульсы. Если ты хочешь куда-то попасть — пространство само приведёт тебя.

— А если я захочу в туалет?

— Пространство приведёт тебя в туалет.

— А если...

— Не проверяй, — прервала она. В её голосе мелькнуло что-то похожее на смешок — сухой, едва уловимый. — Мои предшественники уже проверяли всё, что можно. Уверяю, результаты были... неоднозначными. Один из них три дня не мог найти выход. Оказалось, он подсознательно хотел остаться.

— У вас и юмор есть?

— У нас есть всё. Кроме времени. Идём.

Она двинулась по коридору. Игорь потопал следом, стараясь не отставать и не слишком глазеть по сторонам. Последнее получалось плохо.

Они шли минут десять — или ему казалось, что десять. Может, час. Может, три минуты. Время на «Лазурите» текло странно. Иногда Игорю чудилось, что он движется слишком быстро, иногда — что застыл на месте, как муха в янтаре. Пространство вокруг менялось: коридор расширялся в залы, залы сужались в переходы, переходы разворачивались в анфилады. Ни одной прямой линии. Ни одного острого угла. Всё текло, пульсировало, дышало.

Они миновали зал, в котором парили какие-то полупрозрачные сферы — десятки, сотни, они висели в воздухе, как мыльные пузыри, и внутри каждой что-то двигалось. Игорь присмотрелся к ближайшей: там, внутри, разворачивалась целая сцена — крошечные фигурки что-то делали, куда-то шли, жестикулировали. Как в кукольном театре. Или как в чужом воспоминании.

— Что это? — спросил он.

— Архивные проекции. Обрывки записей. Они всплывают, когда кто-то рядом думает о прошлом. Корабль пытается помочь.

— Я не думал о прошлом.

— Думал. Ты постоянно о нём думаешь.

Игорь не нашёлся что ответить. Потому что она была права. Он всегда думал о прошлом — даже когда старался не думать. Даже когда убеждал себя, что прошлого нет. Оно было. Оно сидело в нём, как осколок, который хирурги не смогли извлечь, — не убивает, но ноет к перемене погоды.

— Ты говорила, что другие люди сходили с ума от контакта, — сказал Игорь, когда они снова двинулись. — Почему я ещё в порядке? Ну, относительно. Я ведь не сплю, разговариваю сам с собой и вижу лица в зеркалах.

— Это не безумие. Это адаптация. Твой мозг уже начал перестраиваться, просто ты не замечаешь.

— Весьма обнадеживает.

— Ты носитель мутации GRF-7Q. Твой мозг вырабатывает особый белок, который блокирует перегрузку нейронных связей при взаимодействии с Плетением. Для нас ты — буфер. Переводчик. Как... — она замялась, подбирая аналогию. — Как заземление в электрической цепи. Без тебя цепь сгорает.

— И много таких, как я?

— Ты один. На восемь миллиардов.

Игорь помолчал. Потом усмехнулся — криво, одними губами:

— Всегда знал, что я особенный. Мама говорила.

— Твоя мать умерла, когда тебе было шесть месяцев.

Он споткнулся на ровном месте. Остановился. Пол под ногами был по-прежнему прозрачным, и где-то там, внизу, проплывали облака.

— Откуда ты знаешь? — спросил он тихо.

— Я изучила твоё досье, — Альма обернулась. Её лицо, сотканное из света, было трудно читать, но Игорю показалось, что в нём мелькнуло сочувствие. Или жалость. Или и то, и другое. — То, что смогла найти в ваших информационных сетях. И то, что не смогла — тоже. У тебя много пробелов в биографии, Игорь Пиров. Очень много. Как будто кто-то прошёлся ластиком по целым годам.

— Это я и без тебя знаю. Каждый день живу с этим.

— Но я могу помочь их заполнить.

— Каким образом? У тебя есть машина времени? Или волшебная таблетка?

— Архив. — Она кивнула в сторону очередного прохода. — Мы пришли.

Архив выглядел не так, как ожидал Игорь. Никаких стеллажей, никаких папок, никаких светящихся голограмм, которые показывают по телевизору в программах про будущее. Просто круглый зал с бассейном в центре. Вода — если это была вода — совсем чёрной и абсолютно неподвижной. Как зеркало из обсидиана.

Игорь подошёл ближе. Поверхность была идеально гладкой. Он наклонился и увидел своё отражение — смутное, искажённое. Человек в отражении выглядел усталым. Не просто усталым — изношенным.

— Это не вода, — сказала Альма, останавливаясь у края. — Это Плетение в жидкой форме. Самая концентрированная субстанция на корабле. Если обычный человек коснётся её, он потеряет себя за секунду. Растворится. Станет частью Плетения. Без возврата.

— А я?

— А ты можешь смотреть.

Она подошла к краю бассейна и провела рукой над поверхностью, не касаясь. Чёрная гладь пошла рябью — круги разбежались от центра, как от брошенного камня. А потом в глубине что-то зажглось. Не свет — скорее, присутствие. Образы начали всплывать из черноты, как фотографии в проявителе.

— Это не твои воспоминания, — предупредила Альма. — Это информационное поле Земли. Все данные, которые когда-либо были записаны, сохранены, переданы. Каждый теле-

фонный звонок. Каждый чек из супермаркета. Каждый файл. Я настроила фильтр на твоё имя. То, что мы увидим, — это всё, что о тебе знает мир. Или знал когда-то.

— Звучит жутковато.

— Так и есть. Ты уверен, что хочешь это видеть?

— Показывай.

Она отступила на шаг. Игорь остался один у края бассейна. В чёрной воде возникали и гасли картинки — быстрее, чем он мог уловить. Лица. Документы. Кадры военной хроники. Потом изображение замедлилось, и он увидел себя. Молодого. В камуфляже. С автоматом. Глаза — ещё не пустые. Глаза человека, который ещё не знает, что с ним сделают.

— Это Чечня, — прошептал он. — 2005-й.

Его голос прозвучал глухо, как сквозь подушку. Он чувствовал, как внутри что-то сжимается — пружина, которую он сам закрутил много лет назад. Пружина сейчас разжималась, и это было больно.

Изображение сменилось. Теперь он увидел отряд — шесть человек, включая его самого. Они шли через горное ущелье. Лица были напряжёнными, но не испуганными. Профессиональные лица. Лица людей, которые знают, на что идут. Командир — высокий мужчина со шрамом через правую бровь — показывал что-то рукой. Жест был уверенным, чётким. Такой жест не нуждается в переводе: «Туда. Осторожно. Быстро».

Игорь вздрогнул. Его ладони вспотели.

— Этот человек, — сказал он. — Я видел его сегодня.

— Где?

— В зеркале заднего вида. Нет, не в зеркале. В отражении. Мне показалось, что он сидит в машине. Но его не было. Я обернулся — никого. Только пассажирка с сумками.

Альма подошла ближе. Её свет стал ярче — или это Игорю показалось.

— Это Марк Решетов. Твой бывший командир. Согласно документам, ты служил под его началом в отряде специального назначения «Барьер».

— «Барьер»? — Игорь нахмурился, пытаясь ухватить ускользающую мысль. — Никогда не слышал. Ни от кого.

— Неудивительно. Это подразделение официально не существовало. Его нет ни в одном реестре. Но я нашла кое-что ещё. — Она провела рукой, и изображение сменилось. Теперь на поверхности бассейна появилась белая комната. Лампа дневного света под потолком — длинная, жужжащая, безжалостная. Человек в погонах сидит напротив. Игорь — молодой, измученный, с провалами вместо глаз — сидит на стуле. На нём больничная пижама в голубую полоску. Руки сложены на коленях.

— Это после возвращения, — прошептал Игорь. Он чувствовал, как к горлу подступает тошнота. — Я помню эту комнату. Совсем немного. Я там был... меня допрашивали?

— Не совсем. — Альма замялась. Свет вокруг неё потускнел. — Это протокол допроса, да. Но не тебя. Это ты допрашивал.

— Что?

Она развела руками. Изображение замерло на полуслове — человек в погонах открыл рот, но звука не было.

— Согласно этим записям, тебя нашли в горах через два года после того, как отряд «Барьер» перестал выходить на связь. Ты был единственным выжившим. Ты провёл два года неизвестно где, неизвестно с кем, неизвестно как. Но ты ничего не помнил. Вообще ничего. Ни своего имени, ни звания, ни того, что было в горах. Врачи диагностировали диссоциативную амнезию, но... — она запнулась.

— Но? Что «но»? Говори.

— В протоколах есть пометка. — Альма провела рукой, и на поверхности бассейна проступили строки текста — казённого, сухого, как и всё, что пишут военные. — «Объект демон-

стрирует аномальную активность мозга. Реакция на препараты нулевая. Контакт с артефактом подтверждён. Рекомендовано продолжить наблюдение в рамках проекта „Нейрон“». Это последняя запись. Дальше — тишина. Два года полной тишины. А потом ты появляешься в Москве, получаешь гражданские документы и начинаешь работать таксистом. Как будто ничего не было.

Игорь смотрел в чёрную воду. Там, в глубине, всё ещё кружились обрывки изображений — белая комната, человек со шрамом, документы с грифом «Секретно». Его жизнь. Разложенная по полочкам. Проанализированная. И абсолютно чужая.

— Ты хочешь сказать, — медленно произнёс он, — что кто-то специально стёр мне память? Не травма, не контузия, а кто-то взял и... выключил рубильник?

— Я не знаю.

— А что ты знаешь?

Альма молчала. Её молчание было тяжелее любых слов. Игорь повернулся к ней. В его глазах больше не было страха. Только холодная, трезвая злость.

— Ты что-то скрываешь, — сказал он. — Я вижу. Ты рассказываешь про архив, про данные, про космос, про Плетение, но сама не договариваешь. Что ты знаешь, Альма? Что ты знаешь про меня, чего не говоришь?

— Я...

— Правду. Сейчас. Без этих твоих инопланетных штучек.

Она выдержала его взгляд. Свет вокруг неё потускнел ещё сильнее, стал почти серым.

— Проект «Нейрон» был попыткой создать Проводника искусственно, — сказала она тихо, почти шёпотом. — Твой геном не уникален, Игорь. Ты не родился с мутацией. Тебе её внедрили. Когда ты был ребёнком. В рамках эксперимента.

В зале повисла тишина. Даже свет, казалось, потускнел. Даже звёзды за стенами перестали двигаться. Игорь чувствовал, как внутри что-то обрывается — какая-то нить, которая связывала его с самим собой.

— Что? — его голос был едва слышен. Почти шёпот. Почти молитва.

— В 1980-х годах, в вашем летоисчислении, ваши спецслужбы получили доступ к обломкам нашего разведывательного зонда. Они не поняли технологии, но смогли выделить образец Плетения. И начали эксперименты. Сначала на животных. Потом на людях. «Нейрон» был одним из таких проектов. Ты был одним из испытуемых. Тебе было четыре года.

— Четыре года, — повторил Игорь.

— Ты был идеальным кандидатом. Молодой организм. Пластичный мозг. Отсутствие семьи, которая могла бы задавать вопросы.

— Я ничего не помню.

— Потому что эксперимент провалился. Или нет — мы не знаем. Выжил только ты. Из всех испытуемых. А потом тебя... спрятали. Стерли память. Сделали гражданским. Почему — я не знаю. Возможно, чтобы защитить. Возможно, чтобы забыть, как о неудаче.

Игорь смотрел на неё. Внутри что-то рвалось — какая-то заслонка, которую он сам себе поставил много лет назад. «Не хочу знать. Не хочу помнить. Это подарок. Второй шанс».

Ложь. Всё это была ложь. Не было никакого подарка. Не было второго шанса. Был проект. Был эксперимент. Была белая комната и человек в погонах, который что-то записывал, пока четырёхлетний мальчик корчился на кушетке. А потом — Чечня. «Барьер». Марк. Ещё одна белая комната. И снова эксперименты.

— Почему ты сразу не сказала? — спросил он. Голос был глухим, как из могилы.

— Я боялась, что ты откажешься.

— Правильно боялась.

Он отступил от бассейна. Сжал кулаки — побелели костяшки. Чёрная вода в бассейне пошла рябью, сильнее, чем раньше. Альма заметила это. Заметил и Игорь.

— Твои эмоции влияют на Плетение, — сказала она. — Это невозможно для обычного человека. Ты меняешь реальность прямо сейчас, Игорь. Просто тем, что чувствуешь.

— Я не обычный человек! — рявкнул он. Эхо заметалось по залу, отражаясь от витражей. — Я, блин, подопытный кролик! Я проект, эксперимент, я даже не знаю, кто я! Всю жизнь думал, что у меня амнезия, а у меня, оказывается, её сделали. Сделали из меня... что? Оружие? Инструмент? Мост, как ты говоришь? Какой я, к чёрту, мост? Я — сломанная игрушка!

— Игорь...

— Нет. Хватит. — Он выставил руку вперёд, останавливая её. Жест был таким же, как у того человека на видео — у Марка. Чётким. Военным. — Ты хочешь, чтобы я помог? Чтобы я стал твоим проводником, твоим буфером, твоим спасителем человечества? А кто спасёт меня? Кто вернёт мне мою жизнь? Мои воспоминания? Меня?

Альма шагнула к нему. Её свет стал мягче, теплее.

— Я могу попытаться. Архив здесь не всемогущ, но, если твои воспоминания где-то записаны, мы найдём их. Я обещаю. Я обещала тебе — и я повторяю.

— А если нет? Если их стёрли навсегда? Если там, — он постучал себя по виску, — пустота? Чёрная дыра?

— Тогда...

— Тогда я пустая оболочка, — перебил он. — И твой мост — это мост из ниоткуда в никуда. Какой от меня толк? Какой толк от инструмента, который даже не знает, как он работает?

Она не ответила. Да и что тут было отвечать? Правда была слишком очевидной, слишком тяжёлой. Игорь отвернулся. Подошёл к стене — живой, переливающейся, — и прислонился лбом к прохладной поверхности. Стекло было приятно холодным. Как компресс на горящий лоб. Звёзды плыли сквозь него, не замечая человека, который стоял, прижавшись к ним, и пытался не развалиться на куски.

— Я хочу обратно, — сказал он глухо, не оборачиваясь.

— Что?

— Верни меня. На Ставропольскую. В машину. Я не буду в этом участвовать. Я не гожусь для этого.

— Игорь, ты не понимаешь. Через три года...

— Через три года я, может, сам сдохну. От цирроза или под колёсами автобуса. Это моё дело. — Он повернулся. Глаза были сухими, но красными. — Моя планета? Какая она моя? Я здесь никто. Я даже самому себе не принадлежу. Я — продукт. Изделие. Серийный номер.

— Ты нужен людям. Живым людям. Которые ничего не знают и живут своей обычной жизнью.

— Людям? — он усмехнулся. Усмешка вышла кривой, невесёлой. — Людям, которые сделали из меня подопытную крысу? Которые стерли мне память и выбросили на помойку? Которые использовали меня, как батарейку? Этим людям? Да пусть горят!!!

Альма смотрела на него. В её глазах — неестественных, светящихся — что-то погасло. Надежда? Вера? Искра, которая горела там с самого начала их встречи, вдруг потухла.

— Я не могу заставить тебя, — сказала она тихо. — Это правда. Ты свободен в своём выборе. Так устроена наша раса — мы не принуждаем. Это противоречит нашей природе.

— Тогда верни меня.

— Но я хочу, чтобы ты знал: я тоже кое-что теряю. Мой отец... он знал о проекте «Нейрон». Знал и молчал. Все эти годы. Я не понимаю почему. Но я хочу разобраться. Вместе с тобой.

— Разбирайся сама. У меня нет времени на чужие тайны. У меня и своих загадок хватает. — Он посмотрел на неё и добавил, уже мягче, почти извиняющимся тоном: — Прости. Я не тот, кого ты искала. Ты ошиблась адресом.

Альма кивнула — медленно, как во сне. Подняла руку. Пространство вокруг Игоря начало сгущаться, закручиваться в воронку.

— Закрой глаза.

Игорь закрыл. Знакомое ощущение — падение, полёт, растворение. Как будто тебя разобрали на атомы и отправили по факсу. А потом под ногами возник асфальт — твёрдый, настоящий, залитый дождём, — и в нос ударил запах бензина, мокрой листвы, подгоревшей яичницы и ночного города. Он открыл глаза.

Он стоял на улице Ставропольской, у того самого дома, откуда час назад (вечность назад) забрал странную пассажирку. Его «Солярис» был припаркован у обочины. В салоне горел свет — он забыл выключить. Жёлтый прямоугольник на мокром асфальте. Картонная ёлочка всё так же болталась на зеркале.

Игорь подошёл к машине, сел за руль. Закрыв дверь. Положил руки на руль — знакомая, потёртая оплётка. Вдохнул запах «Ёлочки». Посмотрел на приборную панель. На сломанный подлокотник.

Всё было, как всегда. И ничего не было, как всегда.

Он завёл мотор и поехал домой. Дождь продолжал барабанить по крыше. Дворники скрипели. Радио молчало — он не стал его включать. Ему нужна была тишина.

Ночь Игорь не спал.

Он лежал на продавленном диване в своей однушке, смотрел в потолок и слушал, как капает кран на кухне. Кап-кап-кап. Ритмично. Как метроном. Как пульс. Как шаги человека, который ходит по коридору туда-сюда и не может найти выход.

Обои на потолке пожелтели и отходили по углам — дом был старый, ещё советской постройки. Игорь знал каждую трещину, каждое пятно. Он провёл здесь десять лет. Десять лет смотрел в этот потолок и ни разу не подумал: «А кто я такой?» Вернее, думал — но отгонял мысли.

Проект «Нейрон». Внедрённая мутация. Белая комната. Марк Решетов — командир, о котором он ничего не помнил, но чьё лицо преследовало его в отражениях. И Альма. Девушка-витраж, которая обещала помочь, но утаила правду. Которая сама, собственными словами, разрушила его картину мира.

Он думал о том, что мог бы сделать. Мог бы согласиться. Мог бы стать героем. Проводником. Мостом между человечеством и инопланетной расой. Звучало как сюжет дорогого блокбастера — такого, где главный герой в финале стоит на фоне заката и смотрит в будущее. Но он не был героем. Он был таксистом с оторванным подлокотником и дырой в голове. И единственное, что он хотел прямо сейчас, — забыть всё, что узнал. Чтобы снова стать пустым. Пустым и спокойным.

Под утро он забылся тревожным сном — коротким, как выстрел. Ему снился песок. Много песка. Он был везде — во рту, в глазах, за шиворотом. И человек со шрамом, который протягивал ему руку. Только теперь Игорь знал, как его зовут.

— Вставай, Пиров, — говорил Марк во сне. Голос был знакомым, почти родным. — Ты ещё не закончил. Ты даже не начал.

Он проснулся в холодном поту. За окном светало — серый, невыразительный рассвет московской осени.

Следующие два дня прошли как в тумане.

Игорь работал. Принимал заказы. Вozил пассажиров. Слушал радио. Шутил про тариф для инопланетян — теперь эта шутка казалась ему не смешной, а какой-то жутковатой. Он делал вид, что ничего не случилось. Что не было «Лазурита». Что не было Альмы. Что не было проекта «Нейрон». Что он — всё тот же Игорь Пиров, тридцатисемилетний таксист из Люблино, без прошлого, без будущего, без проблем.

Но внутри что-то изменилось. Он ловил себя на том, что всматривается в лица прохожих — не мелькнёт ли где знакомый шрам через бровь? Вглядывался в небо — не появится ли в облаках рябь, выдающая присутствие «Лазурита»? Не сверкнёт ли золотая нить Плетения? Прислушивался к себе — не возникнет ли снова то странное ощущение, которое он испытал на корабле?

Ничего. Тишина. Только серое небо, мокрый асфальт и бесконечные пробки.

Глава 2. 5 . Старый друг

На третий день позвонил Артемий. Телефон завибрировал на торпедо, и Игорь вздрогнул — любой неожиданный звук теперь казался сигналом тревоги.

— Живой? — раздался в трубке хриплый бас.

— Вроде.

— А чего голос как у покойника? Как будто ты только что из могилы вылез и ещё не привык к свежему воздуху. Ты когда в гараж заезжал последний раз? У тебя там машина скоро развалится, я тебе как специалист говорю. Она ж гремит на всю Люблино, как телега с пустыми вёдрами.

— Да я...

— Так, всё. — Артемий не терпел возражений — это была одна из его определяющих черт. — Вечером чтобы был у меня. Посмотрим подвеску, а то угробишь тачку. И пиво возьми. Ты — пиво, я — шашлык. Идёт?

Игорь хотел отказаться. Хотел сказать, что не в настроении. Что ему нужно побыть одному. Что его жизнь только что перевернулась, и ему не до шашлыков. Но внезапно понял, что именно этого ему и не хватало. Обычного человеческого общения. С кем-то, кто не светится изнутри и не читает мысли. С кем-то, для кого самая большая проблема — это стучащая подвеска и перегоревшая лампочка.

— Идёт, — сказал он.

— Ну вот и ладушки. В семь. Не опаздывай. У меня шашлык убегает.

Автосервис Артемия располагался в промзоне за Люблинским рынком — три железных бокса, обнесённых ржавым забором, на котором кто-то когда-то написал «Спартак — чемпион». Буквы выцвели, но всё ещё читались. Вывеска «У Артёма» висела на одном гвозде и раскачивалась на ветру, издавая жалобный скрип. Внутри пахло машинным маслом, бензином и жжёной резиной — запахи, которые Игорь любил. Они были настоящими. Земными. Мужскими.

Артемий встретил его у ворот, вытирая руки о промасленную тряпку. Он был в своей неизменной байкерской косухе, накинутой поверх заляпанной футболки, несмотря на то что погода стояла тёплая, — Артемий вообще не признавал сезонной одежды, он носил косуху и в жару, и в холод, как будто она была частью его тела. Борода лопатой, седеющая на подбородке. Руки по локоть в мазуте. Увидев друга, он расплылся в улыбке и хлопнул его по плечу так, что Игорь пошатнулся и едва не выронил пакет с пивом.

— Ну, здорово, пропащий! Где шлялся? Я уж думал, тебя инопланетяне украли.

Игорь дёрнулся, но сдержался. Сдержался усилием воли, которое отозвалось болью в сжатых челюстях.

— Почти, — сказал он.

— Чего? — Артемий прищурился. Глаза у него были маленькие, но острые, как у лесного зверя. Он чуял фальшь за версту.

— Шучу. Держи пиво.

Артемий заглянул в пакет, одобрительно хмыкнул — «Ого, нормальное взял, а не ту бурду, что в прошлый раз», — и повёл гостя в глубь бокса. Там, между подъёмником и горой

покрышек разных размеров и степеней изношенности, был организован «уголок отдыха»: старый кожаный диван с торчащими пружинами, выдавший виды журнальный столик, заваленный автомобильными журналами трёхлетней давности, и мангал, собранный из половинки железной бочки. На мангале шкворчали шампуры.

— Садись, — Артемий махнул рукой. — Шашлык уже почти готов. Свинина. Сам мариновал. Лука побольше положил, как ты любишь.

— Ты же говорил, что не умеешь готовить.

— Врал. Много чего умею. Просто лень. Лень — это вообще моё основное состояние. Я в нём нахожусь, как рыба в воде. — Он ухмыльнулся в бороду.

Они уселись на диван. Артемий открыл две бутылки одну протянул Игорю. Чокнулись. Пиво было холодным, горьковатым — то, что надо. Первый глоток прошёл как благословение.

— Ну, рассказывай, — сказал Артемий, отхлёбывая. — Что за хандра? Я ж тебя десять лет знаю. У тебя на лице написано: «У меня проблемы». И не отпирайся, я всё равно не отстану. Буду сидеть тут и ждать, пока не расскажешь.

Игорь сделал глоток. Посмотрел на угли в мангале — которые бросали оранжевые блики на стены.

— Ты когда-нибудь задумывался, — начал он медленно, подбирая слова, — что твоя жизнь — это не совсем твоя жизнь?

— В смысле?

— Ну, что кто-то за тебя всё решил. Сделал тебя таким, какой ты есть. А ты просто живёшь и не знаешь. Как голем, которому написали на лбу «правда», и он думает, что это его собственное имя.

Артемий почесал бороду. Потом почесал затылок.

— Слушай, я эти разговоры обычно веду после третьей бутылки. Философские. Про смысл жизни и всё такое. Но если хочешь — прямо сейчас, да? — то скажу: мне плевать. Моя жизнь — моя. Кто бы меня ни сделал, я — это я. И живу как хочу. Делаю, что делаю. Чиню машины, пью пиво, курю «Беломор» по праздникам. Вот это — моё. А кто там меня запрограммировал — хоть марсиане, хоть масоны — мне без разницы.

— А если бы ты узнал, что тебе, допустим, стёрли память? И всё, что ты о себе знаешь, — фальшивка? Вся твоя биография — липа?

Артемий на секунду задумался. Потом поднёс бутылку к губам, сделал большой глоток и сказал:

— Тогда я бы нашёл того, кто это сделал, и набил бы ему морду. Серьёзно. Без шуток. Нашёл бы — и набил. А потом пошёл бы дальше. Потому что жизнь-то продолжается. Чего сидеть и рефлексировать? Надо действовать. Действие — это моё лекарство от всех болезней.

— И ты будешь действовать?

— Всегда. Ты что, меня не знаешь?

Игорь усмехнулся. Артемий был именно таким — прямолинейным, простым, как рукоятка гаечного ключа. За это Игорь его и ценил. Никаких сомнений. Никаких сложностей. Чёрное — белое, своё — чужое. Хорошо, когда в жизни есть такие люди.

— Ладно, хватит о грустном. — Артемий поднялся, кряхтя (колени у него болели к дождю, старая байкерская травма). — Давай шашлык есть и машину твою смотреть. А то философ из тебя так себе. Ты как тот пассажир, который пытался мне про Ницше рассказывать, пока я ему глушитель менял.

— И что ты ему сказал?

— Сказал, что Ницше умер, а глушитель ещё поживёт.

Они ели. Смеялись. Артемий травил байки про клиентов, размахивая шампуром как дирижёрской палочкой. Рассказал, как однажды к нему приехал мужик на «Бентли» с требованием поставить карбюратор от «Жигулей», потому что «родной жрёт много, а я человек эко-

номный». И как мужик всерьёз обиделся, когда Артемий отказался. «Он говорил: ты ж мастер, ты всё можешь! А я ему: я мастер, а не волшебник. Чудеса — в другой конторе, через дорогу».

Игорь рассказывал про пассажиров — пьяную женщину, которая пыталась заплатить ему банкой солёных огурцов («Берите, берите, это белгородские, лучшие в области»), и студента, забывшего в машине живого хомяка в пластиковом контейнере. Хомяк потом два дня жил у Игоря в квартире, пока хозяин не нашёлся.

— И как ты его кормил?

— Сыром. Он, кажется, был счастлив.

— Хомяк или студент?

— Хомяк. Студент был в истерике.

Обычный вечер. Обычные разговоры. Обычная жизнь. Тёплый свет лампы под потолком. Потрескивание углей в мангале. Запах жареного мяса и пива.

Игорь почти забылся. Почти поверил, что всё случившееся — сон. Бред. Галлюцинация после недосыпа. Ну, не могло же быть на самом деле такого — инопланетяне, корабль, Плетение, проект «Нейрон». Это всё книжки, фильмы, фантазии сумасшедших. Это не может быть реальностью. Не может — и всё.

Около десяти вечера Игорь засобирался домой. Артемий проводил его до ворот, держа в одной руке бутылку, а в другой фонарик.

— Ты это, — сказал он на прощание, и голос его стал серьёзным, без обычной дурашливости. — Если что — звони. Днём, ночью, в любое время. Я серьёзно. Машина у тебя, конечно, дрянь, но ты мужик хороший. Не пропадай. Не уходи в себя.

— Постараюсь.

— И выпишись, а то выглядишь как зомби. Как будто ты уже три дня не спишь.

— Так и есть.

— Ну, тогда тем более. Давай, до связи.

Игорь махнул рукой и сел в «Солярис». Завёл мотор. Поехал. В зеркале заднего вида ещё долго маячила фигура Артемия у ворот — который махал рукой и что-то кричал вслед.

Улицы Люблино были пустынные. Дождь перестал, но асфальт ещё блестел в свете фонарей. Игорь ехал по Краснодонской, думая о том, что завтра снова на смену. Завтра снова пассажиры, пробки, светофоры. Завтра снова конвейер. И это было... почти утешением.

А потом он заметил машину сзади.

Чёрный джип с тонированными стёклами. Тот самый, что сигналил ему в пробке три дня назад. Тот самый, с огромным блестящим капотом, похожий на катафалк. Он висел на хвосте уже третий квартал.

Игорь напрягся. Сбросил скорость — джип тоже сбросил. Прибавил — джип прибавил, не отставая ни на метр. Фары светили прямо в зеркало заднего вида, слепя глаза. На светофоре Игорь свернул во дворы, надеясь оторваться, — джип свернул следом, как приклеенный.

— Да что за...

Он вывернул на улицу Головачёва и резко затормозил у тротуара. Джип встал сзади, перегородив выезд. Мотор затих. Фары погасли. Тишина. Только дождь снова закапал — сначала редко, потом всё чаще.

Из джипа вышли двое.

Первый — высокий, в длинном чёрном пальто, которое развевалось на ветру, хотя ветра не было. Лицо аскетичное, бледное, с неестественно заострёнными чертами — как будто его рисовал художник, который слишком любил острые углы. Глаза тёмные, глубоко посаженные. Когда он двигался, казалось, что воздух вокруг него уплотняется, как перед грозой.

Второй — пониже, коренастый. Обычная внешность. Серая куртка, джинсы. Ничем не примечателен. Таких сотни, тысячи — лица, которые скользят мимо и забываются через

секунду. Но было в нём что-то, от чего у Игоря похолодело внутри. Что-то в том, как он стоял — слишком спокойно, слишком уверенно. Так стоят люди, которым нечего терять.

Высокий подошёл к «Солярису» и постучал костяшками пальцев по стеклу. Тук-тук-тук. Вежливо. Почти деликатно. Игорь опустил окно.

— Игорь Пиров? — голос был тихим, вкрадчивым. Без акцента. Без интонации.

— Допустим. А вы кто?

— Моё имя Кромт, — высокий слегка наклонил голову. Движение было плавным, почти церемониальным. — Я представляю расу, которую вы называете Аш-Кара. А это, — он кивнул на коренастого, — Трос. Мой помощник и... скажем так, философ.

Игорь посмотрел на Троса. Тот стоял чуть поодаль, засунув руки в карманы серой куртки, и улыбался. Улыбка была неприятной — не злая, а какая-то всезнающая. Так улыбается человек, который знает финал твоей истории и не говорит, потому что финал ему нравится, а тебе — нет.

— Аш-Кара? — переспросил Игорь. — Ещё одни? У меня сегодня прямо вечер инопланетных знакомств.

— О, вы уже встречались с нашими оппонентами? — Кромт говорил спокойно, почти лениво. — Эйло'Ра. Принцесса Альма, полагаю? Она, должно быть, показала вам корабль. Рассказала о Плетении. О вашей уникальной мутации. О том, что вы — Проводник. Последняя надежда. Единственный мост.

— Откуда вы...

— Я многое знаю, Игорь. Читаю мысли, если угодно. Но не ваши — ваши пока закрыты. Вы хорошо защищены. Я читаю общий фон. Информационное поле. — Он обвёл рукой воздух, как будто показывая что-то невидимое. — И фон говорит, что вы отказались. Отказались и вернулись. Умно.

Игорь молчал. Молчание было его единственным оружием.

— И правильно сделали, — продолжал Кромт. — Эйло'Ра не говорят всей правды. Никогда. Это их природа. Они умалчивают. Недоговаривают. Показывают красивую картинку, а тёмную сторону прячут. Вы для них — инструмент. Буфер. Одноразовый предохранитель, который сторит, как только выполнит свою функцию. Как спичка, которую зажгли и бросили.

— А вы, значит, другие?

— Мы — честные. — Кромт приложил руку к груди, изображая искренность. — Мы не обещаем спасения. Мы предлагаем реальность. Реальность такова: через три года ваша планета погибнет. Это факт. Не гипотеза, не вероятность — факт. Эйло'Ра хотят «спасти» людей, ассимилировав их в свой Хор. Коллективный разум. Выживание ценой личности. Мы же предлагаем иное — сохранить себя. Пережить катаклизм. Стать сильнее.

— За чей счёт?

— За свой собственный, разумеется. — Кромт едва заметно улыбнулся. — Мы не грабим. Мы... инвестируем. Помогаем тем, кто готов помочь себе сам.

Игорь усмехнулся:

— Звучит как реклама финансовой пирамиды. «Вложите сейчас — получите потом». Я слышал такое от одного пассажира, он пытался мне продать биодобавки.

Трос хохотнул — коротко, лающе. Кромт даже не улыбнулся. Его лицо осталось таким же неподвижным, как маска.

— Вы можете не верить. Это ваше право. Я пришёл не вербовать вас. Я пришёл предупредить. — Он наклонился ближе к окну. От него пахло чем-то странным — не духами, не одеколоном, а чем-то холодным. Так пахнет воздух из морозильной камеры. — Альма снова появится. Она будет давить. Показывать вам картинки гибнущей Земли. Играть на жалости. Давить на чувство вины. Она умеет это делать, поверьте. Но когда вы выполните свою роль, вы станете не нужны. Вас выбросят — в прямом смысле. Как выбросили уже однажды.

Игорь напрягся. Пальцы, сжимавшие руль, побелели.

— О чём вы?

— Проект «Нейрон». — Кромт выдержал паузу, наслаждаясь эффектом. — Вы думаете, Альма только что узнала о нём? Она знала с самого начала. Знала — и молчала, пока вы сами не вытянули из неё правду. А может, и не всю правду. Может, только ту часть, которую вам положено знать. Она манипулирует вами, Игорь. Как манипулировали все, кто вас окружал. Марк. Военные. Спецслужбы. Вы всегда были инструментом. И сейчас — не исключение.

В салоне стало холодно. Дождь за окном усилился, застучал по крыше громче. Игорь чувствовал, как холод расползается от затылка к плечам, от плеч к рукам.

— Зачем вы мне это говорите? — спросил он тихо. — Зачем предупреждаете?

— Потому что я хочу дать вам выбор. Настоящий выбор. — Кромт выпрямился. — Когда придёт время, и вы поймёте, что я был прав, — приходите к нам. Мы не будем вас использовать. Мы будем с вами честны. От начала и до конца.

Он кивнул Тросу, и тот бросил на колени Игорю небольшой чёрный предмет — похожий на обычный USB-накопитель, только тяжелее. Металл был холодным и каким-то... неземным.

— Это ключ. Активируете его призывом — и мы вас найдём. Где бы вы ни были. — Кромт развернулся и пошёл к джипу. Его чёрное пальто развевалось, хотя ветра по-прежнему не было.

Трос задержался на секунду. Подошёл ближе, почти вплотную к окну. Его лицо оказалось на расстоянии вытянутой руки. Обычное лицо. Серые глаза. Морщины у рта. Но что-то в нём было не так. Что-то сломанное внутри.

— Слышь, таксист, — сказал он негромко, доверительно, почти по-дружески. — Ты когда-нибудь Бога видел?

— Чего? — опешил Игорь.

— Ну, в смысле — вот прям чтоб перед тобой. Лицом к лицу. Как я сейчас. Я вот раньше верил. По-настоящему верил. Рясу носил. Крест целовал. Думал — есть там кто-то. Смотрит. Ждёт. А потом понял: нету никого. Пусто. Чёрное ничто. И знаешь, что я тебе скажу? Это самое честное, что со мной случалось. Понять, что ты один. Совсем один. И никто тебе не поможет.

— Ты кто вообще?

— Я — никто. — Трос усмехнулся. — Просто человек, который перестал обманываться. Снял розовые очки. Советую и тебе. Пока не поздно. Пока тебя не использовали снова.

Он сел в джип. Машина взревела мотором, развернулась и скрылась за поворотом, оставив за собой только красные огни, которые ещё долго горели в темноте.

Игорь остался один. В руке — чёрный ключ. В голове — каша из обрывков фраз, лиц, намёков. Альма что-то скрывает. Кромт говорит честно... или делает вид, что честно. Трос — бывший священник? Никто? Что вообще происходит? Кому верить?

Дождь застучал сильнее. Капли забарабанили по крыше, сначала редко, потом всё чаще, сливаясь в сплошной шум. Игорь сунул ключ в карман, поднял стекло и уронил голову на руль.

Три дня. Прошло три дня с тех пор, как он был обычным таксистом. Теперь у него на хвосте — две инопланетные расы. Одна предлагает спасение через ложь. Другая — «честность» через цинизм. И обе считают его инструментом. А он сам? Кто он сам?

Он вспомнил слова Артемия: «Надо действовать».

Легко сказать. Очень легко сказать, когда твоя самая большая проблема — стучащая подвеска. А когда проблема — две враждующие инопланетные расы и дыра в голове размером с футбольное поле... Тут уже не до действий. Тут впору забиться в угол и не высовываться.

Телефон пиликнул. Новый заказ. Улица Верхние Поля, 35. До метро «Братиславская». Игорь посмотрел на экран. Потом на улицу, по которой уехал джип. Потом на небо — тёмное, дождливое, без единой звезды. Где-то там, за облаками, висел «Лазурит». И Альма, наверное, стояла у прозрачного пола и смотрела вниз. Ждала.

— Ну уж нет, — сказал он вслух. — Хватит с меня на сегодня. Заказов больше не принимаю.

Он нажал «Отклонить», выключил телефон и завёл мотор. Машина тронулась в ночь — под дождь, под слепой свет фонарей, под тихий шёпот шин по мокрому асфальту.

Он ехал домой, не зная, что за ним уже следят. Не зная, что Трос не просто так показался ему знакомым. Не зная, что завтра всё станет ещё хуже. Не зная, что Марк Решетов сидит в секретной лаборатории и читает его дело — бумажное, в жёлтой папке.

Но где-то на орбите, в зале с прозрачным полом, принцесса Альма смотрела на ту же планету и думала о том же человеке. Плетение вокруг неё мерцало тревожным, багровым светом.

— Я не договорила, — прошептала она в пустоту. — Я не сказала тебе главного. Я не сказала, что ты — не инструмент. Ты — ключ к тому, чтобы всё исправить. К тому, чтобы исцелить то, что было сломано миллионы лет назад.

И Плетение вокруг неё потемнело, предвещая бурю.

Глава 3. Барьер

Свет в лаборатории был мертвецки-белым.

Он лился из длинных ламп дневного освещения, вмонтированных в бетонный потолок, и отражался от кафельных стен. Ни теней, ни полутонов — только стерильная, больничная белизна, от которой начинали болеть глаза уже через десять минут. Марк Решетов часто думал, что этот свет — первая попытка, которую проходит каждый сотрудник «Барьера». Если выдержишь свет — выдержишь всё остальное. Если нет — уходишь в обычную армию, где есть окна и нормальные лампочки.

Он сидел здесь часами. Привык. Его кабинет располагался на минус четвёртом этаже бывшего НИИ «Нейрон» — заброшенного, если верить документам, ещё в девяностых, когда рухнул Советский Союз и вместе с ним рухнуло финансирование сотен секретных проектов. На самом деле исследовательский корпус никто не забрасывал. Его просто... спрятали. Законсервировали. А подвальные помещения переоборудовали в современную лабораторию, о которой не знали ни налоговая, ни Роскосмос, ни Господь Бог.

«Барьер». Межведомственная структура, которой официально не существовало. Не было в природе, в бюджете, в штатном расписании. Марк иногда шутил (чёрный юмор — профессиональная деформация всех, кто работает в секретных службах), что, если он умрёт на рабочем месте, его тело просто вынесут на помойку, потому что по документам его здесь нет. Шутка была так себе, но коллеги смеялись. Вернее, делали вид, что смеялись.

Сейчас Марк листал дело. Бумажное. Настоящее. Пожелтевшие страницы в картонной папке с грифом «Совершенно секретно» — тот самый гриф, от которого у нормальных людей потеют ладони, а у таких, как Марк, просто появляется лёгкая изжога. В эпоху цифровых архивов и облачных хранилищ он предпочитал бумагу — её нельзя взломать, нельзя перехватить через спутник, нельзя уничтожить одним нажатием клавиши. Чтобы уничтожить бумагу, нужно прийти сюда, в этот подвал, под этот мертвецкий свет. А сюда мог прийти только он. И ещё пара человек, которым он доверял. Может быть.

На первой странице — фотография. Молодой парень, почти мальчишка. Стрижка ёжиком — как у всех солдат, прошедших учебку. Скуластое лицо, которое ещё не утратило юношеской округлости, но уже приобрело жёсткость. Взгляд исподлобья — не угрюмый, а скорее оценивающий. В глазах — ни страха, ни бравады. Пустота. Та самая пустота, которую Марк заметил ещё тогда, в Чечне, когда впервые увидел этого человека. Пустота, которая не была отсутствием личности, а была... чертой личности.

Игорь Пиров. Двадцать два года. Рядовой.

Он перевернул страницу.

*«Объект 7-Q. Первичный осмотр. 14 марта 1988 года. Объект демонстрирует врождённую устойчивость к нейроинтерфейсам первого поколения. Реакция на препарат „Резонанс-4“ отрицательная — полное отсутствие ожидаемой симптоматики. Клеточный уровень: мутация GRF-7Q подтверждена тремя независимыми анализами. Рекомендовано включить в программу „Проводник“ на правах основного испытуемого». *

1988 год. Игорю тогда было... сколько? Четыре года? Марк пробежал глазами дальше. Детский дом в Саратове — серое здание, где маленький Игорь впервые узнал, что он «не как все». Потом спецприёмник — здание ещё серее. Потом испытательный полигон в закрытом городе, названия которого не было на картах, а были только цифры: объект 274-Б. В пятнадцать — первый контакт с обломками зонда Эйло'Ра, после которого мальчик неделю не мог говорить, а только рисовал странные узоры, похожие на схемы звёздного неба. В семнадцать — амнезия, искусственно индуцированная комбинацией препаратов и гипноза, чтобы стереть последствия неудачного эксперимента и дать объекту шанс на нормальную жизнь. (Нормальная жизнь — это когда ты не помнишь, что с тобой делали. Так им тогда казалось.) В девятнадцать — армия. Чечня.

Там они встретились. Марк и его рядовой. Командир и его главная тайна.

Марк откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Стул скрипнул — старый, советский, с продавленным сиденьем. Белый свет проникал сквозь веки, рисовал багровые узоры на сетчатке. Он не хотел вспоминать. Воспоминания были похожи на минное поле. Но бумажное дело вскрыло то, что он запечатал много лет назад.

*Чечня. Июнь 2005-го. *

Жара стояла такая, что бронежилет плавился на плечах. Буквально — пластиковые вставки становились мягкими, как масло на солнцепёке. Воздух дрожал над камнями, искажая очертания гор, и казалось, что весь мир — это мираж, который вот-вот растает, оставив после себя только выжженную пустыню. Марк тогда подумал — впервые за много лет — что Бог, наверное, создал Чечню в наказание за что-то. За какой-то древний, забытый грех. Или просто у Него было плохое настроение в тот день.

Отряд «Барьер» выдвинулся в Аргунское ущелье на рассвете. Шесть человек. Задача — разведка и захват полевого командира, позывной «Шах». По данным агентуры, он прятался в ауле на верхнем плато, как таракан в щели. Данные были надёжными — насколько вообще могут быть надёжными данные в контрпартизанской войне, где каждый второй информатор работает на три стороны.

Марк, тогда ещё капитан (4 маленьких звезды и одна тонкая полоска на погонах, большие амбиции и никакого представления о том, во что он ввязывается), шёл первым. За ним — Коваль, сапёр, мужик с золотыми руками и стальными нервами. Он мог разминировать что угодно — от советской противопехотки до самодельного фугаса из кастрюли. Потом Димка Сомов, снайпер, совсем мальчишка, девятнадцать лет, ещё прыщи на щеках. Он писал стихи в блокнот и стеснялся их показывать. Потом связист Гриша — вечно потеющий толстяк, который ненавидел горы и мечтал о переводе в штаб. Потом врач Саня — спокойный, как удав, флегматик, который мог оперировать под обстрелом и даже не морщился, когда рядом взрывалось. И замыкающим — новенький. Рядовой Пиров.

Станный он был. Не болтал, не курил, не играл в карты, не рассказывал анекдоты. Сидел вечерами в стороне от костра и смотрел в одну точку — куда-то в небо, которое на юге было невероятно глубоким. Другие косились — псих, что с него взять? — но Марк чувствовал: не псих. Другое. Что-то такое, чему он не находил названия. Как будто Пиров не вполне принадлежал этому миру. Как будто его взяли напрокат из какой-то другой реальности и забыли вернуть.

Однажды вечером Марк подошёл к нему. Просто так. Без особой цели.

— Пиров, — окликнул он. — Ты чего там высматриваешь? Звёзды считаешь?

— Небо, товарищ капитан.

— И что там?

— Ничего. Поэтому и смотрю. Красиво, когда ничего.

Марк тогда хмыкнул и ушёл. Решил — странный парень, но безобидный. Фраза запомнилась, засела в голове, как заноза. Красиво, когда ничего. Странное определение для неба над Чечнёй, в котором постоянно висела пыль от взрывов, дым от горящих аулов и вертолёты, похожие на железных стрекоз. Но в этом был какой-то смысл. Какой-то глубинный, ускользающий смысл, который Марк не мог ухватить.

На плато вышли к вечеру. Солнце садилось за горы, и тени становились длинными, неестественно вытянутыми. Аул оказался пустым. Совсем — ни людей, ни скотины, ни собак. Только ветер гонял пыль по единственной улице, поднимая маленькие смерчи, которые кружились и умирали. Где-то скрипела открытая дверь — монотонно, заунывно.

— Мне это не нравится, — сказал Коваль.

— Мне тоже, — ответил Марк. — Всем рассредоточиться. Глаза открыты, рты закрыты.

Это была ловушка. Марк понял это за секунду до того, как с горы ударил пулемёт. Звук был таким громким, что на мгновение он оглох. Пули застучали по камням, поднимая фонтаны пыли и крошки.

— Рассредоточиться! — заорал он, падая в пыль лицом вниз. Во рту оказался песок — мелкий, противный. Он до сих пор помнил его вкус.

Димка Сомов не успел. Пуля вошла ему в шею, и он рухнул лицом вниз, не успев даже вскрикнуть. Только выдохнул. Только захрипел. Его блокнот со стихами выпал из кармана и раскрылся на ветру, страницы затрепетали, как белые птицы.

Коваль пополз к нему — «Димка! Димка, держись!» — и нарвался на вторую очередь. Пули прошли через бедро, через живот, через грудь. Он упал рядом с Сомовым, почти обняв его. Две фигуры в пыли. Два тела.

Гриша побежал к укрытию — не так, как учили, а в полный рост, забыв обо всём, — споткнулся, и покатился по склону, ломая кусты и разбивая лицо в кровь. Потом оказалось, что нога сломана в двух местах, но он выжил. Саня, врач, попытался оттащить Ковалю — и получил пулю в плечо. Бронежилет выдержал, но рука повисла плетью.

Четыре человека из шести выбыли за первые минуты. Остались двое. Марк и Пиров.

Они залегли за каменным дувалом — низкой оградой, сложенной из плоских камней. Пулемёт молотил без остановки, крошил камень в пыль, в мелкую крошку, которая летала по всюду. Марк выглянул — и увидел, что сверху, с горы, спускаются люди. Много. Человек двадцать, не меньше. Бородатые, в камуфляже, с автоматами. Они шли спокойно, без спешки.

— Отходим, — крикнул Марк, перекрикивая пулемёт. — Прикрой!

Пиров не ответил. Он смотрел на гору. Не на боевиков — выше. На небо. На то самое «ничего», которое он так любил.

— Пиров! Ты оглох?! Пиров, мать твою!

А потом что-то случилось.

Марк не мог объяснить это словами даже годы спустя. Он пытался — писал рапорты, давал показания, сидел перед психологами, — но ничего не получалось. Воздух вокруг Игоря сгустился, задрожал. Звуки стихли. Пулемёт захлебнулся и замолчал — не как будто его выключили, а как будто само понятие звука исчезло из этой части пространства. Наступила тишина — густая, ватная, невозможная. Такая тишина, в которой слышно, как стучит твоё собственное сердце.

Игорь поднялся в полный рост. Вышел из-за дувала. И пошёл.

— Ты куда, мать твою! — заорал Марк, но его собственный голос прозвучал глухо.

Пиров шёл. Медленно. Спокойно. Как будто не было ни пулемёта, ни боевиков, ни войны. Как будто он вышел на вечернюю прогулку. А боевики... они стояли. Застыли, как статуи. Не

стреляли. Не двигались. Только смотрели на приближающегося русского солдата с выражением ужаса, который Марк видел лишь раз в жизни — в глазах лошади, попавшей под артобстрел. Это был ужас, который не имел названия. Ужас перед чем-то, что не укладывается в картину мира.

Игорь подошёл к пулемётному гнезду. Протянул руку — не угрожая, а скорее как будто здороваясь. И пулемётчик — здоровенный бородатый мужик с лицом, изрезанным шрамами, — выронил оружие и попятился, а потом побежал. За ним — остальные. Просто бросили позицию и бежали, как овцы от волка.

Минуту спустя всё было кончено. Аул снова был пуст. Только теперь на земле лежали два тела в камуфляже — Димка и Коваль. И ветер трепал страницы блокнота.

Марк подошёл к Игорю. Тот стоял, опустив руки, и смотрел в небо.

— Что это было? — спросил Марк. Голос дрожал, хотя он старался держать себя в руках.

— Не знаю, товарищ капитан. Я просто захотел, чтобы они ушли.

— Захотел?

— Так точно. Захотел — и они ушли.

Марк смотрел на него. Потом перевёл взгляд на трупы своих людей. Димка смотрел в небо мёртвыми глазами. Коваль, кажется, ещё дышал — но едва-едва. Потом снова на Игоря.

— Ты кто такой?

Пиров повернулся. В его глазах впервые появилось выражение — не страх, не гордость, а что-то другое. Растерянность.

— Сам хотел бы знать, товарищ капитан. Честное слово — сам хотел бы знать.

Марк открыл глаза. Белый свет лаборатории ударил по сетчатке, и он зажмурился, потёр переносицу. Воспоминания были ярче, чем ему хотелось. Они всегда были ярче — сколько бы лет ни прошло.

Он перевернул ещё несколько страниц. Рапорт о боестолкновении в Аргунском ущелье — сухой, казённый язык, который не передавал и десятой доли того ужаса. Объяснительная записка — «рядовой Пиров проявил инициативу, что позволило избежать полного уничтожения отряда». Рекомендация: «Рядового Пирова И.В. направить на углублённое медицинское обследование в связи с предполагаемым посттравматическим синдромом».

Предполагаемым. Конечно. Другого объяснения у армейских врачей не нашлось. Да и не могло найтись — они же не знали о проекте «Нейрон», о мутации, о том, что мозг этого парня был модифицирован почти с рождения. Но Марк знал. Вернее, начинал догадываться.

После Чечни он долго не мог найти себе места. Его перевели в Москву, в аналитический отдел ГРУ, подальше от передовой. Он писал рапорты, сидел на совещаниях, пил по вечерам горькую, глядя в потолок. И думал. О Пирове. О том, что случилось в ауле. О том, что это не вписывалось ни в одну известную науке картину мира.

Однажды ночью ему позвонили. Он как раз сидел на кухне, смотрел на остывший чай и думал, что жизнь кончена. Телефон зазвонил — старый, проводной, с дисковым набором. Незнакомый номер. Голос в трубке — сухой, официальный, без интонаций:

— Капитан Решетов? Вы служили с рядовым Пировым в Чечне. Расскажите всё, что видели.

— Кто это? Кто говорит?

— Управление специальных программ. Ждите, за вами приедут. И пожалуйста, никуда не уходите.

Приехали через час. Чёрная «Волга» с тонированными стёклами, одна из тех, что делали на Горьковском заводе по спецзаказу. Двое в штатском — серые костюмы, серые лица, серые глаза. Они не представились — просто показали удостоверения, которые Марк не успел прочитать. И увезли его в здание без вывески где-то в районе Ясенево, в место, которое на картах обозначалось как «складские помещения». Враньё. Там не было никаких складов.

Там, в кабинете без окон (все важные разговоры происходят в кабинетах без окон — Марк давно это заметил), полковник, представившийся как Сергей Павлович, разложил перед ним бумаги.

— То, что вы видели в Чечне, — не единичный случай, — сказал он, поправляя очки. — Пиров — носитель уникальной генетической мутации, аналогов которой в мире нет. Его мозг способен взаимодействовать с определёнными технологиями, происхождение которых... — он замялся, подбирая слово, — скажем так, взезмное. Мы изучаем этот феномен уже двадцать лет. С переменным успехом.

— Взезмное? — Марк тогда усмехнулся. Усмешка вышла нервной. — Инопланетяне? Вы серьёзно? Мне, конечно, доводилось слышать всякое от ветеранов, но, чтобы целый полковник...

— Более чем серьёзно. — Полковник не улыбнулся. — В 1988 году мы получили доступ к артефакту. Обломки инопланетного зонда, потерпевшего крушение над Сибирью. Технология позволяла манипулировать реальностью на квантовом уровне — мы сами не до конца понимаем, как это работает, но это работает. Мы попытались создать интерфейс для человека. Проводника. Из всех испытуемых только Пиров продемонстрировал совместимость выше пятидесяти процентов. Но эксперимент вышел из-под контроля. Мальчик едва не погиб. Мы были вынуждены заблокировать его память и отпустить в гражданскую жизнь. А потом началась Чечня, и он исчез из поля зрения. До сегодняшнего дня.

— Что вы от меня хотите?

— Помогите нам. Вы единственный, кому он доверяет. Вы спасли друг другу жизнь — а это, капитан, дорогого стоит. Нам нужно вернуть его в программу. Безопасно. Без принуждения. Без насилия.

— Зачем?

— Затем, что он — ключ. — Полковник снял очки и протёр их платком. — Ключ к технологии, которая изменит мир. Которая может спасти миллионы жизней. Или погубить их — если попадёт не в те руки.

Марк тогда долго думал. Неделю. Две. Он сидел в своей холостяцкой квартире, смотрел в стену, пил чай, пытался представить будущее. Не из патриотизма в итоге согласился. Даже не из любопытства. Из чувства вины. Потому что в том ауле погибли его люди, а он выжил. И выжил благодаря Игорю. Он был должен ему. Должен разобраться, что с ним такое. Должен помочь — или хотя бы попытаться.

Он и разобрался. На свою голову.

Следующий раздел дела был озаглавлен «Фаза 2: Реконструкция». Марк пролистал его быстро — эти страницы он помнил наизусть, мог цитировать абзацами.

Игоря нашли в Ростове-на-Дону через полгода после Чечни. Демобилизовался. Жил в общаге на окраине, в комнате с видом на мусорные баки, работал грузчиком на овощной базе. Ни с кем не общался. Пил — много, почти каждый вечер. Медленно, но, верно, катился под откос.

Марк приехал к нему. Якобы случайно. Якобы проездом в командировку. «Слушай, Пиров, ты ли это? А я смотрю — знакомое лицо! Ну, пойдём, посидим, расскажешь, как жизнь».

Они поговорили в дешёвой забегаловке с липкими столами и разбавленным пивом. Игорь рассказал о том, как его комиссовали, как он потерял всех, как не может найти работу, потому что документы странные, а прошлое — туманное. Марк слушал, кивал, говорил правильные слова. А потом предложил: «Слушай, есть одна клиника в Москве. Частная. Военным — скидка. Может, обследуешься заодно? Просто провериться. Для успокоения души».

Игорь согласился. Потому что доверял Марку. Потому что помнил, как они вместе лежали под огнём, как Марк тащил его на себе, когда он подвернул ногу. Боевое братство — это не просто слова. Это связь крепче кровной.

Он не знал, что клиника — это лабораторный корпус «Нейрона». Что обследование — это серия тестов с обломками зонда. Что его снова используют.

Сначала всё шло по плану. Игорь реагировал на тесты адекватно — лучше, чем ожидали учёные. Показатели были стабильными, мутация работала как предохранитель, не давая Плетению разрушить мозг. Полковник Сергей Павлович потирал руки и говорил о «прорыве». Марк почти поверил, что всё получится.

Потом начались странности.

Игорь стал видеть то, чего не было. Сначала — краем глаза. Потом — в полный рост. Людей, которые стояли в углу комнаты и смотрели на него. Пейзажи, которые разворачивались прямо на больничных стенах. Он слышал голоса — не внутри головы, а снаружи, как будто кто-то говорил из соседней комнаты. Говорил на языке, которого не существовало, но который Игорь, по его словам, «почти понимал».

— Это не галлюцинации, — говорил он Марку. — Это... как будто кто-то пытается мне что-то сказать. Как будто радио, которое не могу настроить. Шипит, трещит, а иногда прорывается голос. И голос этот... он не злой. Он грустный.

Марк передавал эти слова врачам. Врачи кивали и увеличивали дозу успокоительного.

А однажды ночью всё пошло к чертям.

Игорь вышел из палаты — просто встал и пошёл, в больничной пижаме, босиком по холодному кафелю. Охрана попыталась его остановить — двое крепких парней с дубинками. Игорь даже не замедлил шаг. Охранники застыли, как статуи — точно так же, как те боевики в горах. Потом они рассказывали, что не могли пошевелиться. Что их сковал какой-то паралич. Что они чувствовали — чувствовали! — как Игорь проходит сквозь них, хотя физически он просто прошёл мимо.

Он вошёл в хранилище — святая святых «Нейрона». Там, в контейнере из свинца и титана, лежал обломок зонда. Игорь подошёл к нему. Открыл контейнер — он не знал кода, не знал, как это делается, но контейнер открылся. И коснулся обломка голой рукой.

Взрыв Плетения вырубил электричество во всём районе. Потом выяснилось, что не только в районе — по всей Москве на три секунды погасли светофоры, остановились поезда метро, выключились компьютеры. Трое учёных, находившихся в хранилище, погибли на месте — их мозги просто сгорели, как перегорают лампочки при скачке напряжения. Игорь выжил. Но память — всё, что было после Чечни, и всё, что было до, — стёрлась полностью.

— Мы не учли одну переменную, — сказал тогда полковник Сергей Павлович, и голос его дрожал. Впервые за всё время он выглядел не как уверенный в себе учёный, а как испуганный старик. — Его мутация нестабильна. При прямом контакте с артефактом она входит в резонанс. И уничтожает носителя. Если бы не защитный блок, который мы поставили ему в детстве, он бы не выжил. Превратился бы в облако элементарных частиц.

— Что теперь? — спросил Марк.

— Теперь — тишина. Мы отпускаем его. Пусть живёт обычной жизнью. Если мы продолжим эксперименты, мы его убьём. А он — единственный экземпляр. Единственный во всём мире. И, возможно, во всей Вселенной.

Игоря отпустили. Снабдили новыми документами — чистыми, без следов «Нейрона» и Чечни. Квартирой в Люблино — однокомнатной, в старом панельном доме. Деньгами на первое время. Марк лично проследил, чтобы всё было чисто, чтобы ни одна ниточка не вела от этого парня к секретной лаборатории. И отступил в тень.

Он наблюдал издалека. Читал отчёты наружного наблюдения — скупые, сухие строчки: «Объект приобрёл автомобиль. Объект устроился в таксомоторную компанию. Объект посе-

щает продуктовый магазин по вторникам и пятницам. Социальных контактов не заводит. Настроение стабильно пониженное». Видел, как Пиров становится таксистом. Как обрастает привычками — утренний кофе, вечернее пиво, одна и та же радиостанция. Как тускнеет его взгляд. Как пустота, которую Марк заметил ещё в Чечне, становится не чертой характера, а образом жизни.

Он говорил себе, что это — милосердие. Что он даёт человеку шанс на нормальную жизнь. Что иногда лучшая помощь — это не вмешиваться. Но где-то глубоко внутри, в том месте, куда он боялся заглядывать, знал: это не милосердие. Это трусость. Он просто не знал, что делать дальше. А когда человек не знает, что делать, он обычно ничего не делает.

Марк захлопнул папку. Поднялся. Прошёлся по лаборатории — три шага в одну сторону, три в другую. Кабинет был маленьким, не разгуляешься.

Здесь всё было по-старому. Кафель — белый, в мелкую серую крапинку. Лампы — длинные, жужжащие, периодически мигающие (надо бы вызвать электрика, да всё руки не доходят). Запах озона от аппаратуры — острый, как после грозы. В углу тихо, почти неслышно гудел генератор Плетения — уменьшенная копия той технологии, которую они извлекли из обломков зонда.

С тех пор многое изменилось. У людей появились союзники. Или враги — это с какой стороны посмотреть. Если смотреть с одной стороны — спасители. Если с другой — захватчики. А если честно — и те, и другие, и никто не говорит всей правды.

Год назад на контакт вышли Аш-Кара.

Это случилось ночью, в этом самом кабинете. Марк работал с документами, когда воздух перед ним сгустился и соткался в человеческую фигуру — как будто кто-то вылепил человека из тумана. Кромт. Предводитель расы мыслеохотников. Он говорил спокойно, почти ласково, как психиатр с буйным пациентом, и каждая его фраза ложилась в сознание Марка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.